

ЧЕСТЕРФИЛД
ПИСЬМА
К СЫНУ

Кофе с мудрецами

Филипп Честерфилд

Письма к сыну

«РИПОЛ Классик»

до 1755 г.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

Честерфилд Ф. Д.

Письма к сыну / Ф. Д. Честерфилд — «РИПОЛ Классик»,
до 1755 г. — (Кофе с мудрецами)

ISBN 978-5-386-10057-5

«Письма к сыну» английского писателя, публициста, философа-моралиста, историка Филиппа Дормера Стенхопа, графа Честерфилда (1694–1773) Вольтер назвал книгой весьма поучительной, самым лучшим из всего когда-либо написанного о воспитании. Нас поражает многое в этих письмах с точки зрения иной среды и эпохи, но мы прекрасно понимаем, что эта книга незаурядная и что она получает вневременной интерес именно потому, что является превосходным отображением эпохи, которой она порождена.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-4

ISBN 978-5-386-10057-5

© Честерфилд Ф. Д., до 1755 г.
© РИПОЛ Классик, до 1755 г.

Содержание

I	6
II	7
III	9
IV	11
V	12
VI	13
VII	15
VIII	17
IX	19
X	20
XI	21
XII	22
XIII	25
XIV	28
XV	30
XVI	31
XVII	33
XVIII	35
XIX	37
XX	40
XXI	42
XXII	43
XXIII	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Филипп Дормер Стенхоп Честерфилд Письма к сыну

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

I

Тенбридж, 15 июля 1739 г.

Милый мой мальчик!

Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься о моем здоровье; я бы уже давно дал о себе знать, но здесь на водах не очень-то хочется писать письма. Мне лучше с тех пор, как я здесь, и поэтому я остаюсь еще на месяц.

Синьор Дзамбони расточает мне через тебя больше похвал, чем я того стою. А ты постарайся заслужить все, что он говорит о тебе; помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того – оскорблением, и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем – это не ложь, ибо он ясно дает понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот. Например, если кто-нибудь хвалит отъявленного мошенника за его порядочность и неподкупную честность, а круглого дурака – за его способности и остроумие, – ирония совершенно очевидна и каждый легко поймет, что это не более как насмешка. Вообрази, что я стал бы превозносить тебя за то, что ты очень внимательно штудируешь свою книгу, и за то, что ты усвоил и помнишь до сих пор все, что когда-то учил, – неужели ты сразу бы не заметил моей иронии, не почувствовал, что я смеюсь над тобой? Поэтому, когда тебя начинают за что-то превозносить, подумай хорошенько и реши, заслужил ты эту похвалу или нет; и если нет, то знай, что над тобой только издеваются и смеются; постарайся же в будущем быть достойным лучшего и сделать так, чтобы по отношению к тебе всякая ирония оказалась неуместной.

Передай от меня поклон м-ру Меттеру¹ и поблагодари его за письмо. Он пишет, что тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но, если даже тебе это не удастся сделать, я все равно похвалю тебя за прилежание и память. Прощай.

¹ *Меттер Майкл (1668–1747)* – комментатор и издатель классических текстов; был приглашен Честерфилдом к Филипу в качестве учителя латинского языка.

II

20 ноября 1739 г.

Милый мой мальчик!

Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил.

Полезность истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно их нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чтили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какую славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней.

В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря – величия души, чем в истории какой-либо другой страны. Там никого не удивляло, что консулы и диктаторы (а как ты знаешь, это были их главные правители) оставляли свой плуг, чтобы вести армии на врага, а потом, одержав победу, снова брались за плуг и доживали свои дни в скромном уединении, – уединении более славном, чем все предшествовавшие ему победы! Немало величайших людей древности умерло такими бедными, что хоронить их приходилось на государственный счет. Живя в крайней нужде, Курий² тем не менее отказался от крупной суммы денег, которую ему хотели подарить самнитяне, ответив, что благо отнюдь не в том, чтобы иметь деньги самому, а лишь в том, чтобы иметь власть над теми, у кого они есть. Вот что об этом рассказывает Цицерон: «*Curio ad focum sedenti magnum auri pondus Samnites cum attulissent, repudiati ab eo sunt. Non enim aurum habere praeclarum sibi videri, sed iis, qui haberent aurum imperare*»³. Что же касается Фабриция, которому не раз доводилось командовать римскими армиями и всякий раз неизменно побеждать врагов, то

² Курий Дентат Маний (ум. ок. 272 г. до н. э.) – римский полководец периода покорения Римом италийских народов. Несколько раз был консулом; пользовался поддержкой плебса.

³ Когда Курию, сидевшему у очага, самнитяне принесли много золота, он отверг его, ибо считал, что самое славное – это иметь не золото, а власть над теми, у кого оно есть (лат.).

приехавшие к нему люди увидели, как он, сидя у очага, ест обед из трав и корней, им же самим посаженных и выращенных в огороде. Сенека⁴ пишет: «*Fabricius⁵ ad focum coenat illas ipsas radices, quas, in agro repurgando, triumphalis senex vulsit*»⁶.

Когда Сципион⁷ одержал победу в Испании, среди взятых в плен оказалась юная принцесса редкой красоты, которую, как ему сообщили, скоро должны были выдать замуж за одного ее знатного соотечественника. Он приказал, чтобы за ней ухаживали и заботились не хуже, чем в родном доме, а как только разыскал ее возлюбленного, отдал принцессу ему в жены, а деньги, которые отец ее прислал, чтобы выкупить дочь, присоединил к приданому. Валерий Максим⁸ говорит по этому поводу: «*Eximiae formae virginem accersitis parentibus et sponso, inviolatam tradidit, et juvenis, et coelebs, et victor*»⁹. Это был замечательный пример сдержанности, выдержки и великодушия, покоровший сердца всех жителей Испании, которые, как утверждает Ливий¹⁰, говорили: «*Venisse Diis simillimum juvenem, vincentem omnia, turn armis, turn benignitate, ac beneficiis*»¹¹. Таковы награды, неизменно венчающие добродетель; таковы характеры, которым ты должен подражать, если хочешь быть прославленным и добрым, а ведь это единственный путь прийти к счастью. Прощай.

⁴ Сенека Луций Анней Старший, Сенека-ритор (ок. 54 г. до н. э. – 39 г. н. э.), – римский оратор и историк. Автор «Истории Рима с начала гражданских войн до Тиберия».

⁵ Фабриций Кай Лусцин (III в. до н. э.) – римский консул. Одержал ряд побед в войнах с народами Древней Италии.

⁶ Фабриций, этот увенчанный славой старец, ест возле очага корни, которые сам же выкопал из земли (лат.).

⁷ Сципион Публий Корнелий Африканский Старший (ок. 237 – ок. 183 гг. до н. э.) – римский полководец. Глава аристократической партии. Покорил большую часть Испании. Прославился войнами в Африке (Пунические войны), завершившимися победой над Ганнибалом при Заме (202 г. до н. э.).

⁸ Валерий Максим (I в.) – римский историк, автор «Девяти книг замечательных деяний и изречений».

⁹ Девушку необычайной красоты неоскверненной отдал родителям, которых для этого вызвал к себе, и жениху, сам будучи юн и холост и оказавшись победителем (лат.).

¹⁰ Ливий Тит (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) – римский историк. Автор «Римской истории от основания города».

¹¹ Прибыл юноша, подобный богам, и покори всех не только силой оружия, но и щедротами своими и благодеяниями (лат.).

III

Понедельник

Милый мой мальчик!

Мне очень жаль, что я не получил вчера от м-ра Меттера тех сообщений о тебе, которых ждал с надеждой. Он тратит столько сил на занятия с тобой, что вполне заслужил, чтобы ты относился к ним внимательно и прилежно. К тому же теперь вот о тебе говорят как о мальчишке, знающем гораздо больше, чем все остальные, – до чего же будет стыдно потерять свое доброе имя и допустить, чтобы сверстники твои, которых ты оставил позади, опередили тебя. Тебе не хватает только внимания, ты быстро схватываешь, у тебя хорошая память; но если ты не сумеешь быть внимательным, часы, которые ты просидишь над книгой, будут выброшены на ветер. Подумай только, какой стыд и срам: иметь такие возможности учиться – и остаться невеждой. Человек невежественный ничтожен и достоин презрения; никто не хочет находиться в его обществе, о нем можно только сказать, что он живет, и ничего больше. Есть хорошая французская эпиграмма на смерть такого невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь – умер. Вот эта эпиграмма, тебе нетрудно будет выучить ее наизусть:

*Colas est mort de maladie,
Tu veux que j'en pleure le sort;
Que diable veux-tu que j'en die?
Colas vivait, Colas est mort.*¹²

Постарайся не заслужить имени Кола, а я непременно буду называть тебя так, если ты не будешь хорошо учиться, и тогда эта кличка за тобой утвердится и все будут звать тебя Кола, а это много хуже, чем Шалун.

¹² Кола заболел и умер, Ты хочешь, чтобы я оплакивал его судьбу. Но что я могу сказать о нем? Кола жил. Кола умер (фр).

Ты читаешь сейчас «Древнюю историю» Роллена¹³: пожалуйста, имей всегда при себе карты, когда читаешь; мне хочется, чтобы месье Пельнот показал тебе на них все места, о которых написано в книге. Прощай.

¹³ *Роллен Шарль (1661–1741)* – французский историк. «Древняя история» написана в 1730–1738 гг.

IV

Суббота

Милый мой мальчик!

Коль скоро ты хочешь, чтобы тебя называли полиглотом, надеюсь, что ты постарайся заслужить право на это имя, а для этого надо быть внимательным и прилежным. Должен тебе сказать, что слова олух или Кола звучат отнюдь не столь благородно, но помни также, что нет ничего смешнее, чем когда человека называют благородным именем, а люди вокруг знают, что он этого не заслужил. Например, было бы неприкрытой иронией назвать какого-нибудь безобразного парня Адонисом (который, как ты знаешь, был до того красив, что сама Венера в него влюбилась), или назвать какого-нибудь труса Александром, или невежду – полиглотом, ибо всякий легко догадается, что это – насмешка. И м-р Поп¹⁴ очень верно замечает: «Мы хвалим дураков лишь смеха ради».

Вслед за поступками, которые заслуживают того, чтобы о них написать, ничто не приносит человеку столько чести и не доставляет ему столько удовольствия, как писать то, что заслуживает прочтения. Плиний Младший (ибо было два Плиния – дядя и племянник) говорит об этом так: «*Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est, aut facere scribenda, aut legenda scribere; beatissimos vero quibus utrumque*»¹⁵.

Пожалуйста, обрати внимание на свой греческий язык, ибо надо отлично знать греческий, чтобы быть по-настоящему образованным человеком, знать же латынь – не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее – стыд и срам. Не говорю уже о том, что, отлично изучив греческий, ты гораздо лучше сможешь разобраться в латыни, ведь множество латинских слов, в особенности технических, взяты из греческого. Под техническими словами разумеются слова, относящиеся к различным наукам и ремеслам... Вот почему словарь, разъясняющий термины, относящиеся к различным ремеслам, носит название *Lexicon Technicum*, или Словарь искусств и ремесел. Прощай.

¹⁴ Поп Александр (1688–1744) – английский поэт, представитель просветительского классицизма. Автор ряда поэм – философских («Опыты о морали», «Опыт о человеке», имевший большой успех в России в XVIII в.), сатирических («Дунсиада», от английского *dunce* – «тупица», – где он высмеял своих современников, называя каждого по имени), иронико-комической поэмы «Похищение локона» и др. Перевел на английский язык пятистопным ямбом «Илиаду» и, при участии Фентона и Брума, «Одиссею», стремясь в этих переводах исправить «грубость» Гомера. Честерфилд хорошо знал Попа и был близок с ним: их сближали общность вкусов, личных симпатий и антипатий, рационализм, склонность к иронии, дидактике, пристрастие к классическим образцам. Он высоко ценил Попа как поэта, ставя его даже выше очень чтимого им Горация, и в письмах своих часто его цитирует. Здесь не совсем точно приводится стих из знаменитого произведения Попа – сатиры, написанной в форме послания: «Подражание Горацию», 11, 1, 413 (1733–1738); этот стих Попа является в свою очередь, цитатой из «Знаменитых красавиц», анонимного произведения, изданного в «Смеси» (*Miscellanea*) Тонсоном в 1709 г.

¹⁵ Поистине считаю блаженными тех, кому милостью богов даровано либо делать то, что достойно написания, либо писать то, что достойно прочтения; блаженнейшими же – тех, кому даровано и то и другое (лат.).

V

Без даты

Милый мой мальчик!

Посылаю еще несколько латинских корней, хоть и не очень уверен, что они так же придутся тебе по вкусу, как корни, что растут в огороде; тем не менее, если ты серьезно займешься ими, они могут избавить тебя от больших неприятностей. Те немногие, которые ты получишь, разумеется, привлекут твое внимание и ко многим другим и дадут тебе возможность, зная корневую основу, путем сравнения изучить большинство производных и сложных слов. Тебе уже достаточно лет, чтобы сознательно относиться ко всему, что тебе придется изучать, и ты даже не представляешь себе, сколько времени и труда ты сэкономишь, если будешь сознательно относиться к делу. Помни, что тебе очень скоро исполнится девять лет – возраст, в котором каждый мальчик должен уже немало всего знать, а в особенности – ты, чье воспитание потребовало таких усилий и такой заботы. Если же ты не оправдаешь возлагаемых на тебя надежд, то потеряешь свое доброе имя, а это – самое унижительное для человека благородного. У каждого человека есть свои стремления, свое честолюбие, и он бывает огорчен, когда обманывается в своих ожиданиях; разница только в том, что у людей глупых само честолюбие тоже бывает глупым и устремлено не туда, куда следует, у людей же умных честолюбие законно и достойно всяческой похвалы. Например, если бы честолюбие какого-нибудь глупого мальчика твоего возраста сводилось к тому, чтобы хорошо одеваться и тратить деньги на разного рода сумасбродства, это, разумеется, не свидетельствовало бы о его достоинствах, а только о безрассудстве его родителей, готовых наряжать его как куклу и давать ему денег, чтобы этим его испортить. Умный же мальчик стремится превзойти своих сверстников, и даже тех, кто старше его, – как знаниями, так и нравственными своими качествами. Он горд тем, что всегда говорит правду, что расположен к людям и им сочувствует, что схватывает быстрее и учится старательнее, чем другие мальчики. Все это подлинное доказательство его внутреннего достоинства и, следовательно, достаточные основания для честолюбия; качества эти утвердят за ним хорошую репутацию и помогут ему выработать твердый характер. Все это в равной мере справедливо не только для детей, но и для взрослых: честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье – вещи, завести которые с таким же успехом может всякий, у кого много денег, ибо все это продается. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце. Таким было честолюбие лакедемонян и римлян, когда они прославились больше всех остальных народов; таким, надеюсь, всегда будет и твое. Прощай.

VI

Среда

Милый мой мальчик!

Ты так хорошо вел себя в воскресенье у м-ра Бодена, что тебя нельзя не похвалить. К тому же ты воодушевляешь меня на то, чтобы преподать тебе кое-какие правила вежливости и хорошего тона, и я уверен, что ты будешь их соблюдать. Знай же, что так же, как образованность, благородство и честь совершенно необходимы для того, чтобы заслужить уважение и восхищение людей, вежливость и хорошие манеры не менее необходимы, чтобы сделаться желанным и приятным в беседах и в повседневной жизни. Выдающиеся достоинства, такие как честь, благородство, образованность и таланты, возвышают человека над большинством; люди, не обладающие этими достоинствами, не могут правильно оценить их в других. Но зато все люди ценят достоинства второстепенные, как-то: учтивость, приветливость, обязательность, деликатное обхождение и умение себя вести, потому что они ощущают их благотворное действие, – встречаться с такими людьми в обществе бывает легко и приятно. Хорошие манеры во многих случаях должны диктоваться здравым смыслом; одни и те же действия, вполне корректные при определенных обстоятельствах и в отношении определенного лица, при других обстоятельствах и в отношении другого лица могут выглядеть совершенно иначе. Но есть некоторые общие правила хорошего воспитания, которые всегда и для всех случаев остаются в силе. Так, например, при любых обстоятельствах очень грубо звучат ответы «да» или «нет», если вслед за ними не следуют слова «сэр», «милорд» или «мадам», в зависимости от того, кем является твой собеседник, точно так же, как, говоря по-французски, ты всякий раз должен добавлять слова: «месье», «милорд», «мадам» и «мадемуазель». Ты, разумеется, знаешь, что по-французски всякую замужнюю женщину называют «мадам», а всякую незамужнюю – «мадемуазель». Равным образом, надо быть очень невоспитанным человеком, чтобы оставить без внимания обращенный к тебе вопрос, или ответить на него невежливо, или уйти, или заняться чем-то другим, когда кто-то заговорил с тобою, ибо этим ты даешь людям понять, что презираешь их и считаешь ниже своего достоинства их выслушать, а тем более им ответить. Мне думается, я не должен говорить тебе, как невежливо занимать лучшее место в комнате или сразу же накидываться за столом на понравившееся тебе блюдо, не предложив прежде отведать его другим, как будто ты ни во что не ставишь тех, кто тебя окружает. Напротив, следует уделить им всемерное внимание. Надо не только уметь быть вежливым, что само по себе совершенно необходимо, высшие правила хорошего тона требуют еще, чтобы вежливость твоя была непринужденной и свидетельствовала о том, что ты истинный джентльмен. Здесь тебе следовало бы присмотреться к французам, которые достигли в этом отношении редкого совершенства и чья учтивость кажется столь же естественной и непринужденной, как и все их обхождение с людьми. Что же касается англичан, то манеры их часто бывают неуклюжи, и всякий раз, когда они стараются быть вежливыми, они до того стыдятся и робеют, что их непременно постигает неудача. Прошу тебя, никогда не стыдись поступать так, как должно: у тебя были бы все основания стыдиться, если бы ты оказался невежей, но чего ради тебе стыдиться своей вежливости? И почему бы тебе не говорить людям учтивые и приятные слова столь же легко и естественно, как ты бы спросил их, который час? Такого рода застенчивость – французы правильно называют ее *mauvaise honte*¹⁶ – очень характерна для английских остолопов: эти до смерти пугаются, когда к ним обращаются люди светские, а когда приходит черед отвечать им, краснеют, бледнеют, заикаются, бормочут что-то глупое и несуразное и действительно становятся достойными смеха

¹⁶ Ложный стыд (фр).

от одного только ни на чем не основанного опасения, что над ними будут смеяться. А между тем человек действительно хорошо воспитанный, случись ему говорить даже со всеми королями мира, так же не стал бы волноваться и держался бы столь же непринужденно, как если бы он говорил с тобой.

Помни, что только человека вежливого и такого, у которого вежливость эта непринужденна (что, собственно говоря, и есть признак его хорошего воспитания), любят и хорошо принимают в обществе, что человек дурно воспитанный и грубый просто непереносим и всякое общество старается от него избавиться и что человек застенчивый неминуемо становится смешон. Так как я вполне уверен, что ты запомнишь все, что я говорю, и последуешь моему совету в жизни, я надеюсь, что, когда тебе исполнится девять лет, ты не только будешь лучшим учеником, но и самым воспитанным мальчиком среди своих сверстников в Англии. Прощай.

VII

Спа, 25 июля н. г. 1741 г.

Милый мой мальчик!

Я не раз напоминал тебе в моих прежних письмах об одной непререкаемой истине: только будучи человеком честным и благородным в самом строгом смысле слова, ты сможешь снискать уважение и признание окружающих тебя людей; только будучи человеком даровитым и ученым, ты сможешь вызвать в них восхищение и преклонение. Но для того чтобы заставить их полюбить себя, находить удовольствие в твоём обществе и искать сближения с тобой, в жизни совершенно необходимо обладать некими особыми второстепенными качествами. Из этих второстепенных качеств главное и самое необходимое – это хорошее воспитание, не только потому, что оно весьма важно само по себе, но также и потому, что придает особый блеск более высоким проявлениям ума и сердца.

О хорошем воспитании я часто писал тебе и раньше, поэтому здесь речь будет идти о дальнейшем определении его признаков, об умении легко и непринужденно держать себя в обществе, о надлежащей осанке, о том, чтобы ты не позволял себе кривляться, чтобы у тебя не было никаких нелепых выходов, дурных привычек и той неуклюжести, от которой несвободны многие очень неглупые и достойные люди. Хоть на первый взгляд вопрос о том, как вести себя в обществе, и может показаться сущим пустяком, он имеет весьма важное значение, когда цель твоя – понравиться кому-нибудь в частной жизни, и в особенности женщинам, которых тебе рано или поздно захочется расположить к себе. А я знавал немало людей, которые неуклюжестью своей сразу же внушали людям такое отвращение, что все достоинства их были потом перед ними бессильны. Хорошие же манеры располагают людей в твою пользу, привлекают их к тебе и вселяют в них желание полюбить тебя.

Неуклюжесть проистекает обычно от двух причин: либо от того, что человеку вовсе не приходилось бывать в светском обществе, либо от того, что, бывая в нем, он не проявил должного внимания к окружающему. О том, чтобы ввести тебя в хорошее общество, я позабочусь сам, ты же позаботься о том, чтобы внимательно наблюдать за тем, как люди себя

там держат, и выработать, глядя на них, свои манеры. Для этого совершенно необходимо внимание, как оно необходимо и для всего остального: человек невнимательный негоден для жизни на этом свете. Стоит такому олуху войти в комнату, как шпага его легко может оказаться у него между ног, и он либо падает, либо, в лучшем случае, спотыкается. Исправив свою неловкость, он проходит вперед и умудряется занять как раз то место, где ему не следовало бы садиться; потом он роняет шляпу; поднимая ее, выпускает из рук трость, а когда нагибается за ней, то шляпа его падает снова; таким образом, проходит добрых четверть часа, прежде чем он приведет себя в порядок. Начав пить чай или кофе, он неминуемо обожжет себе рот, уронит и разобьет либо блюдечко, либо чашку и прольет себе на штаны чай или кофе. За обедом неуклюжесть его становится особенно заметной, ибо он попадает в еще более трудное положение: то он держит нож, вилку и ложку совсем не так, как все остальные, то вдруг начинает есть с ножа и кажется, что вот-вот порежет себе язык и губы; то принимается ковырять вилкой в зубах или накладывать себе какое-нибудь блюдо ложкой, много раз побывавшей у него во рту. Разрезая мясо или птицу, он никогда не попадает на сустав и, тщетно сясь одолеть ножом кость, разбрызгивает соус на всех вокруг. Он непременно вымажется в супе и в жире, хоть салфетка его и просунута концом сквозь петлю камзола и щекочет ему подбородок. Начав пить, он обязательно раскашляется в стакан и окропит чаем соседей. Помимо всего прочего, он поражает всех своими странными манерами: он сопит, гримасничает, ковыряет в носу или сморкается, после чего так внимательно разглядывает носовой платок, что всем становится тошно. Когда руки его ничем не заняты, они ему явно мешают и он не знает куда их определить, меж тем они все время пребывают в движении, непрестанно перемещаясь то от груди к коленям, то от колен к груди. Одежду свою он не умеет носить, да и вообще ничего не умеет делать по-человечески. Преступного, надо сказать, в этом ничего нет, но в обществе все это в высшей степени неприятно и смешно, и всякий, кто хочет нравиться, должен решительным образом этого избегать.

Я перечислил все, чего тебе не следует делать; теперь ты легко поймешь, как ты должен себя вести, и, если ты отнесешься с должным вниманием к манерам людей светских и много бывавших в обществе, все это станет для тебя естественным и привычным.

Существуют также неловкости речи, употребление слов и выражений, которых самым тщательным образом следовало бы избегать, коверканье языка, дурное произношение, всем надоевшие поговорки и избитые пословицы, свидетельства того, что человек привык бывать в низком и дурном обществе. В самом деле, если вместо того, чтобы сказать, что у людей бывают разные вкусы и у каждого человека свой, ты разрешишься пословицей и скажешь: «Всяк молодец на свой образец» или «У всякого скота своя пестрота», люди вообразят, что ты всю жизнь провел в обществе одних только горничных и лакеев.

Все дело здесь во внимании; без внимания нельзя ничего достичь; недостаток внимания есть не что иное, как недостаток мысли, иначе говоря – либо глупость, либо безумие. Тебе надлежит не только быть внимательным ко всему, что ты видишь, но и уметь быстро во всем разобраться: сразу же разглядеть всех находящихся в комнате людей, их движения, взгляды, вслушаться в их слова и при всем этом не впиваться в них глазами и не показывать виду, что их наблюдаешь. Эта способность быстро и незаметно разглядеть людей необычайно важна в жизни, и надо тщательно ее в себе развивать. Напротив, рассеянность, которая есть не что иное, как беспечность и недостаток внимания к тому, что происходит вокруг, делает человека до такой степени похожим на дурака или сумасшедшего, что я, право же, не вижу особой разницы между всеми тремя. У дурака никогда не было способности мыслить; сумасшедший потерял ее; а человек рассеянный на время тоже ее лишился.

Прощай! Следующее письмо ко мне адресуй в Париж на имя месье Шабера, банкира, и постарайся к моему возвращению добиться тех успехов, которых я от тебя жду.

VIII

Спа, 6 августа 1741 г.

Милый мой мальчик!

Меня очень обрадовали те несколько работ, которые ты прислал мне, и еще больше сопровождавшее их письмо м-ра Меггера, в котором он отзывается о тебе гораздо лучше, чем в предыдущем. *Laudari a laudato viro*¹⁷ во все времена было стремлением благородным. Поощряй же в себе это стремление и умей и впредь заслужить похвалу человека, достойного похвалы. Пока ты будешь стараться этого достичь, ты получишь от меня все, что только захочешь, а как только перестанешь, больше ничего уже не получишь.

Я рад, что ты понемногу начинаешь писать сочинения, это приучит тебя размышлять над некоторыми вопросами, что не менее важно, чем читать соответственные книги; поэтому напиши мне, пожалуйста, что ты думаешь по поводу следующих слов:

*Non sibi, sed toti genilum se credere mundo*¹⁸.

Слова эти взяты из характеристики, которую Лукан¹⁹ дает Катону²⁰. По его словам, Катон считал, что создан не для себя одного, а для всего человечества. Так вот напиши мне, считаешь ли ты, что человек рожден на свет только для собственного удовольствия и выгоды или же он обязан что-то делать на благо общества, в котором живет, и вообще всего человечества. Совершенно очевидно, что каждый человек имеет известные преимущества от того, что живет в обществе, которых не имел бы, живи он один на целом свете. А раз так, то не значит ли это, что он в какой-то степени в долгу перед обществом? И не обязан ли он делать для других то, что они делают для него? Ты можешь написать мне об этом по-английски или по-латыни, как тебе захочется: для меня в этом случае имеют значение мысли твои, а никак не язык.

В последнем письме я предупреждал тебя относительно неприятной манеры держать себя и неловкостей, которые у многих входят в привычку с молодых лет из-за того, что в свое время родители их чего-то недосмотрели. От неловкостей этих они не могут отделаться и в старости. Таковы, например, несуразные движения, странные позы и неуклюжая осанка. Но есть также неуклюжесть духа, которой следует избегать, и при внимательном отношении это вполне возможно. Нельзя, например, путать или забывать имена и фамилии. Говорить о мистере «как бишь его», или о миссис «забыл, как звать», или «дай бог памяти» – значит быть человеком до последней степени невежливым и вульгарным. Не менее невежливо, обращаясь к людям, неверно их величать, например говорить «милорд» вместо «сэр» и «сэр» вместо «милорд». Очень неприятно и тягостно бывает слышать, когда человек начинает что-то рассказывать и, не будучи в состоянии довести свой рассказ до конца, где-нибудь на середине сбивается и, может быть, даже бывает вынужден признаться, что все остальное он позабыл. Во всем, что ты говоришь, следует быть чрезвычайно точным, ясным и определенным, иначе, вместо того чтобы развлечь других или что-то им сообщить, ты только утомишь их и затуманишь им головы. Нельзя также забывать и о том, как ты говоришь и какой у тебя голос: есть люди, которые ухитряются говорить, почти не раскрывая рта, и их просто

¹⁷ Добиться похвалы от человека, хвалимого другими (лат.).

¹⁸ Считать, что ты рожден не для себя одного, а для всех на свете (лат.).

¹⁹ Лукан Марк Анней (39–65) – римский поэт. В единственном сохранившемся его сочинении – героической поэме «Фарсалия» подробно и точно описывается война 49–47 гг. до н. э., возникшая из-за соперничества Цезаря и Помпея.

²⁰ Катон Марк Порций Старший (234–149 гг. до н. э.) – римский государственный деятель и писатель. Известен своей прямоотой и строгостью нрава. Будучи цензором, ввел законы против роскоши. До нас дошло в отрывках его дидактическое сочинение «Наставления сыну». К образу Катона Честерфилд возвращается в своих письмах не раз.

невозможно бывает понять; другие же говорят так быстро и так глотают при этом слова, что понять их не легче; одни привыкли говорить так громко, как будто перед ними глухой, другие – до того тихо, что вообще ничего не слышно. Подобные привычки неуместны и неприятны, и избавиться от них может лишь пристальное к себе внимание. По ним всегда легко узнать людей, не получивших должного воспитания. Ты даже не можешь себе представить, насколько важно держать в памяти все эти мелочи.

Мне приходилось видеть немало людей с большими способностями, которых плохо принимали в обществе именно оттого, что этих-то второстепенных качеств у них не было, и других, которых, напротив, хорошо принимали только благодаря этим качествам, ибо то были люди, ни в каком отношении не примечательные.

IX

Бат, 28 июня 1742 г.

Милый мой мальчик!

Обещания твои очень меня радуют, а исполнение их, которого я от тебя жду, порадует меня еще больше. Ты, несомненно, знаешь, что нарушить свое слово – безрассудство, бесчестие, преступление. Это безрассудство, потому что тебе никто потом не поверит, и это бесчестие, а равно и преступление, потому что правдивость – первое требование религии и нравственности, и никто не подумает, что не выполняющий его человек вообще может обладать какими-либо другими хорошими качествами; поэтому он навлечет на себя ненависть, и от него отвернутся люди и Бог. Словом, я надеюсь, что во имя правды и чести ты будешь делать то, к чему, независимо от данного мне обещания, должны побуждать тебя гордость и твои собственные интересы, а именно – стремиться превзойти остальных во всем, за что бы ты ни взялся. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, я считал для себя позором, если другой мальчик выучил лучше меня урок или лучше меня умел играть в какую-нибудь игру. И я не знал ни минуты покоя, пока мне не удавалось превзойти моего соперника. Юлий Цезарь, снедаемый благородной жаждой славы, не раз говорил, что предпочел бы быть первым в деревне, нежели вторым в Риме. Однажды он даже плакал, стоя перед статуей Александра Великого и раздумывая над тем, насколько в тридцать лет у Александра было больше славы, чем у него самого, в его уже почтенные годы. Такие чувства придают людям значительность; те, у кого их нет, проживут свой век безвестными, и люди будут их презирать, тогда как те, кто пытается превзойти всех, могут быть уверены, что уж, во всяком случае, превзойдут очень многих. Верный способ в чем бы то ни было преуспеть – это уделить этому предмету пристальное внимание, ничем от него не отвлекаясь, – тогда он потребует от тебя наполовину меньше времени. Долгое и кропотливое сидение над книгами – удел людей тупых; человек способный занимается регулярно и схватывает все быстро. Теперь вот подумай, что тебе больше хочется: быть внимательным и прилежным в часы занятий и благодаря этому превзойти всех других мальчиков, хорошо зарекомендовать себя и выгадать гораздо больше свободного времени для игры или же заниматься кое-как, дать опередить себя тем, кто моложе тебя, чтобы они потом смеялись над тобою, как над тупицей, и совершенно не иметь времени для игры, потому что, могу тебя заверить, если ты не будешь учиться, играть тебе не придется. Каким же путем достигается совершенство, которого ты обещаешь добиться? Во-первых, надо исполнять свой долг перед Богом и перед людьми – без этого все, что бы ты ни делал, теряет свое значение; во-вторых, приобрести большие знания, без чего к тебе будут относиться с большим презрением, даже если ты будешь очень порядочным человеком; и наконец, быть отлично воспитанным, без чего при всей своей порядочности и учености ты будешь человеком не только очень неприятным, но просто невыносимым.

Помни об этих трех задачах; преисполнись решимости добиться превосходства и в том, и в другом, и в третьем. В этом заключается все, что необходимо тебе и полезно и при жизни и после смерти, и по мере того как ты будешь совершенствоваться в этом, будет расти моя любовь и нежность к тебе. Твой...

Х

Суббота

Сэр!

Молва о вашей начитанности и других ваших блистательных талантах дошла до лорда Орери, и он выразил желание, чтобы вы приехали в воскресенье пообедать вместе с ним и с его сыном, лордом Бойлом; я ответил ему, что вы приедете.

К тому времени как письмо мое до тебя дойдет, ты, вероятно, уже получишь это приглашение, но, если даже его и не будет, ты все равно должен пойти туда завтра между двумя и тремя и сказать, что ты пришел к лорду Бойлу, выполняя распоряжение милорда, переданное через меня. Так как из-за этого я буду лишен чести и удовольствия видеть тебя завтра у себя за обедом, я рассчитываю, что ты со мною позавтракаешь, и велю сварить тебе шоколад.

Возраст твой, жизненный опыт и знание света, казалось бы, избавляют меня от необходимости убеждать тебя, насколько хорошие манеры важны для всех людей. Тем не менее различные твои занятия – греческий и крикет, латынь и питч²¹ – могут отвлечь тебя от этого предмета, поэтому я беру на себя смелость и напомнить тебе о нем, и пожелать, чтобы, будучи у лорда Орери, ты показал себя человеком воспитанным. Воспитанность – это единственное, что может расположить к тебе людей с первого взгляда, ибо для того, чтобы распознать в тебе большие способности, нужно больше времени. Хорошее воспитание, как ты знаешь, заключается не в низких поклонах и соблюдении всех правил вежливости, но в непринужденном, учтивом и уважительном поведении. Поэтому, когда к тебе обращаются, ты должен отвечать приветливо, ты должен садиться на дальний конец стола, если только тебя не пригласят сесть ближе, пить первый тост за здоровье хозяйки дома и лишь потом – за здоровье хозяина, не набрасываться на еду, не быть за столом неряхой, не сидеть, когда другие стоят; и надо, чтобы при этом у тебя был непринужденный вид, а не надутая, кислая физиономия, какая бывает у людей, которые делают все с неохотой. Я отнюдь не имею в виду ту бессмысленную улыбку, которую мы видим у дураков, когда им хочется быть учтивыми, а живое, веселое выражение лица. Пожалуй, ничто не приобретается с таким трудом и ничто столь не важно, как хорошие манеры, которые не имеют ничего общего ни с натянутой церемонностью, ни с наглой развязностью, ни с нелепой застенчивостью. Некоторая доля сдержанности всегда бывает нужна, точно так же как совершенно необходима известная степень твердости, внешне же человеку всегда подобает быть скромным: знание света и твои собственные наблюдения должны подсказать тебе – и они одни только могут это сделать, – сколько нужно того, другого и третьего.

Вчера я видел м-ра Фитцджералда, он очень тебя расхваливал; если ты и впредь окажешься достоин похвал, ты всегда будешь их получать. Прощай.

²¹ ...крикет... и питч... – Крикет – игра, состоящая в том, что две группы игроков загоняют небольшой мяч палкой в ворота; питч – игра, напоминающая орлянку, с тою разницей, что монету не просто подбрасывают, а стараются попасть ею в лунку, и, таким, образом выигрыш в большей степени зависит от умения и сноровки игрока.

XI

Дублинский замок, 19 ноября 1745 г.

Милый мой мальчик!

<...> Приближаются рождественские каникулы, и я направил к тебе месье Денуайе, чтобы он за это время обучил тебя танцам. Я хочу, чтобы ты особенное внимание обратил на изящные движения рук. К этому надо еще добавить умение надеть шляпу и подать руку; собственно, это и есть то небольшое, что должно составлять предмет внимания каждого джентльмена. Танцы сами по себе – занятие пустяшное и глупое, но это – одна из тех упрочившихся глупостей, в которых людям умным приходится иногда принимать участие, а коль скоро это так, то они должны делать все, что при этом положено, умело. И пусть у меня нет ни малейшего желания видеть тебя танцором, но раз уж ты все равно будешь танцевать, мне хотелось бы, чтобы ты танцевал хорошо, так же как хотелось бы, чтобы ты хорошо делал все. Как бы пустяшно ни было начатое тобою дело, но, коль скоро ты уже взялся за него, доводи его до совершенства. И я часто говорил тебе, что мне хочется, чтобы даже в питч и крикет ты играл лучше любого другого мальчика во всем Вестминстере. Например, забота о красоте одежды – большая глупость; и вместе с тем не меньшая глупость не уметь хорошо одеваться – так, как приличествует твоему званию и образу жизни. И это не только не унижает человеческого достоинства, а напротив, скорее утверждает его: быть одетым не хуже тех, кто тебя окружает; в данном случае различие между человеком здравомыслящим и хлыщом заключается в том, что хлыщ кичится своим платьем, а человек здравомыслящий потихоньку посмеивается над своей одеждой и вместе с тем знает, что не должен ею пренебрегать. Существует множество таких вот глупых обычаев, в них нет ничего преступного, человек разумный должен с ними считаться и не терять из-за этого хорошего расположения духа. Диоген Киник²² поступал мудро, презирая их, но в то же время и глупо, позволяя себе это презрение выказывать. Постарайся быть умнее других, но никогда не давай им этого почувствовать. <...>

²² Диоген Синопский, или Диоген Киник (по принадлежности его к школе киников) – древнегреческий философ, проповедовавший воздержание и жизнь сообразно с природой. О нем существует множество рассказов.

XII

Бат, 4 октября ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик!

Хоть я и трачу много времени на писание тебе писем, должен признаться, меня часто одолевают сомнения, нужно ли все это. Я знаю, как обычно неприятны бывают советы, знаю, что те, кому они нужнее всего, менее всего любят их и менее всего им следуют, знаю я также и то, что, в частности, родительские советы всегда рассматриваются как старческое брюзжание, как желание непременно проявить свою власть или просто как свойственная этому возрасту болтливость. Но, с другой стороны, я смею думать, что собственный твой разум, хоть ты еще слишком молод для того, чтобы он мог чем-то выказать себя самостоятельно, достаточно силен, чтобы дать тебе возможность судить о вещах очевидных и принимать их. Та к вот, смею думать, что, как ты ни молод, собственный твой разум подскажет тебе, что советы, которые я тебе даю, имеют в виду твои, и только твои, интересы, а следовательно, тебе по меньшей мере надлежит хорошо взвесить их и поразмыслить над ними; если ты это сделаешь, то, надеюсь, иные из них возымеют свое действие. Не думай, что я собираюсь что-то диктовать тебе по праву отца, я хочу только дать тебе совет, как дал бы друг, и притом друг снисходительный. Не бойся, что я буду препятствовать твоим развлечениям, – напротив, мне хотелось бы быть в этой области советчиком твоим, а отнюдь не цензором. Пусть же мой жизненный опыт восполнит недостаток твоего и очистит дорогу твоей юности от тех шипов и терний, которые ранили и уродовали меня в мои молодые годы. Поэтому ни одним словом я не хочу намекать на то, что ты целиком и полностью зависишь от меня, что каждый твой шиллинг ты получил от меня, а ни от кого другого и что иначе и быть не могло, а так как никакой женской мягкости по отношению к твоей персоне у меня нет, единственное, что может склонить меня на доброту, – это твои заслуги.

Повторяю, я отнюдь не хочу напоминать тебе об этом, ибо убежден, что ты будешь поступать как надлежит, движимый более благородными и великодушными побуждениями, т. е. во имя самой правоты и из чувства любви и благодарности ко мне.

Я так часто рекомендовал тебе внимание и прилежание во всем, чем бы ты ни занимался, что сейчас говорю об этих качествах не как о чем-то обязательном, а указываю тебе на них как на благоприятные, более того – как на совершенно необходимые для твоих удовольствий, ибо может ли быть большее удовольствие, чем иметь возможность всегда и во всем превзойти своих сверстников и товарищей? И равным образом, возможно ли придумать что-либо более унижительное, чем чувствовать себя превзойденным ими? В этом последнем случае ты должен испытывать больше сожаления и стыда, ибо всем известно, какое исключительное внимание было уделено твоему образованию и насколько у тебя было больше возможностей все узнать, чем у твоих сверстников. Я не ограничиваю цели рекомендуемого мною прилежания одним только намерением превзойти других и соперничеством с ними (хотя это – вполне осязаемое удовольствие и вполне законная гордость), но я имею в виду истинное преуспеяние в самом деле, ибо, на мой взгляд, лучше вовсе ничего не знать в какой-либо области, чем знать только наполовину. Поверхностные знания не доставляют ни удовлетворения, ни чести, но зато часто приносят бесчестье или просто ставят нас в смешное положение. <...>

То, что принято называть верхоглядством, неминуемо порождает самодовольных фатов. Последнее время я часто возвращаюсь к мысли о том, каким бы я был несчастным человеком, если бы смолodu не приобрел известный запас знаний и вкус к ним. Что бы я стал делать без этого с собою сейчас? Скорее всего, я, подобно большинству невежд, растатал бы свое здоровье и растерял имевшиеся способности, употребив все вечера свои

на пьяные кутежи; или же, легкомысленно растрчивая их на женскую болтовню, вызвал бы со стороны тех же самых женщин в ответ только презрение и насмешку. Или же, наконец, я повесился бы – а ведь один человек так когда-то и сделал, – оттого что устал надевать и снимать каждый день башмаки и чулки. Сейчас у меня остались мои книги, одни только мои книги, и каждый день подтверждает мне верность слов Цицерона о пользе образования: *«Haec studia adolescentiam alunt, – говорит он, – senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solatium praebent; delectant domi, non impediunt foris; pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur»*²³.

Я вовсе не собираюсь, утверждая это, исключать беседу из числа удовольствий, которыми мы наслаждаемся в пожилом возрасте; напротив, это очень большое и очень разумное удовольствие для всякого возраста, только беседа, которую ведут невежды, никак не может быть названа беседой, она не доставляет удовольствия даже им самим, они устают от собственной пустоты, им не хватает материала, который обеспечил бы их словами, необходимыми для поддержания разговора.

Поэтому позволь мне самым решительным образом посоветовать тебе, пока ты в силах это сделать, накопить значительный запас знаний; пусть даже тебе и не удастся применить большую часть их в беспутные годы молодости, ты, однако, можешь быть уверен, что настанет время, когда они понадобятся, чтобы тебя поддержать. Государственные амбары засыпают зерном в урожайные годы: никто в точности не знает, следующий ли, второй ли или третий по счету год будет неурожайным, но известно, что рано или поздно наступит год, когда зерна не будет хватать.

Больше я ничего не скажу; у тебя есть мистер Харт²⁴, чтобы ты мог в этих мнениях утвердиться, у тебя есть разум, чтобы подкрепить искренность сказанного мною. Короче

²³ Эти вот занятия питают юношей, радуют стариков, украшают счастье, доставляют прибежище и утешают в несчастьях, услаждают дома, не мешают вне дома, проводят с нами ночи, сопровождают нас в странствиях и помогают в сельском труде (лат.).

²⁴ Харт Волтер (1709–1773) – английский писатель и поэт. Автор сборника стихов «Амарант», «История Густава Адольфа» и «Опытов о сельском хозяйстве»; знаток древних языков; в качестве воспитателя сопровождал Филипа Стенхопа в его путешествии по Европе.

говоря: «У вас есть Моисей и пророки, если вы не поверите им, вы не поверите никому, пусть даже человек воскреснет из мертвых».

Не думай, что знания, приобрести которые я тебе так настоятельно советую, заключены в книгах, как бы приятны, полезны и необходимы эти знания ни были: я имею в виду настоящее знание людей, еще более необходимое, чем добытое тобой из книг. В самом деле, эти два вида знания взаимно дополняют друг друга: никто не в состоянии овладеть в совершенстве одним из них, если он не владеет обоими. Знание людей приобретается только среди людей, а не в тиши кабинета. Его нельзя почерпнуть из одних лишь книг, но книги многое подскажут тебе, когда ты будешь наблюдать жизнь, и без них ты в ней многое не увидишь. А когда ты сопоставишь собственные наблюдения над людьми с вычитанным из книг, тебе будет легче доискаться до истины.

Для того чтобы узнать людей, необходимо не меньше внимания и усердия, чем для того, чтобы узнать книги, и, может быть, больше тонкости и проницательности. Я встречаю, например, немало пожилых людей, которые всю свою жизнь вращались в большом свете, но по причине крайнего легкомыслия своего и невнимательности знают о нем сейчас не больше, чем знали в пятнадцать лет. Поэтому не обольщайся надеждой, что ты сможешь приобрести это знание за пустою и праздною болтовней. Нет, ты должен проникнуть гораздо глубже. Ты должен не просто смотреть на людей, а внимательно в них всматриваться. Почти в каждом человеке с самого рождения заложены в какой-то степени все страсти, и вместе с тем у каждого человека преобладает какая-то одна, которой подчиняются все остальные. Ищи в каждом человеке эту главенствующую над всем страсть, загляни в самые сокровенные уголки его сердца и понаблюдай за тем, как по-разному ведет себя одна и та же страсть в разных людях. А когда ты разгадал в каком-нибудь человеке эту главную страсть,²⁵ помни, что никогда не следует доверять ему в том, что так или иначе эту страсть задевает. Умей использовать ее для того, чтобы на него повлиять, только, прошу тебя, будь настороже и помни о ней всегда, какими бы заверениями этот человек тебя ни обольщал.

Мне хотелось бы, чтобы ты прочел это письмо два раза, однако я сильно сомневаюсь, что и один раз ты дочитаешь его до конца. Не буду больше утруждать тебя сейчас, но к этому вопросу мы с тобой еще вернемся. Прощай!

Только что получил твое письмо из Шафхаузена: проставляя дату, ты забыл указать месяц.

²⁵ ...когда ты разгадал в каком-нибудь человеке эту главную страсть... Об этом же говорит А. Поп в «Опытах о морали», 1, 174: Search then the ruling passion; there alone The wild are constant, and the cunning known. (Ищи тогда главенствующую страсть; она одна заставляет людей сумасбродных обрести постоянство и разоблачает хитрецов.)

XIII

Бат, 9 октября ст. ст. 1746 г.

Милый мой мальчик!

Твои невзгоды по дороге из Гейдельберга в Шафхаузен²⁶, когда тебе пришлось спать на соломе, есть черный хлеб и когда сломался твой берлин²⁷, – не что иное, как надлежащая подготовка к более значительным неприятностям и неудачам, которых следует ожидать во время путешествий; при наличии известной склонности к морализированию можно было бы назвать их примерами несчастных случайностей, препятствий и трудностей, которые каждый человек встречает на своем жизненном пути. В путешествии разум твой – это тот экипаж, который должен провести тебя сквозь все, и в соответствии с тем, надежен он или нет, в хорошем он или плохом состоянии, путешествие твое окажется лучше или хуже, однако в пути твоём тебя всегда могут подстеречь какие-нибудь ухабистые проселочные дороги и захудалые гостиницы. Поэтому позаботься, чтобы экипаж, обойтись без которого нельзя, был в самом лучшем состоянии, осматривай его что ни день, приводи в порядок и укрепляй его рессоры: каждому это по силам, и каждый должен об этом заботиться сам; человек, который этим пренебрегает, заслуживает того, чтобы почувствовать на себе все роковые последствия своего небрежения, и не приходится сомневаться, что рано или поздно он их почувствует.

*A propos*²⁸, о небрежении; кое-что об этом я еще должен тебе сказать. Как ты хорошо знаешь, я не раз говорил, что моя любовь к тебе – отнюдь не какое-нибудь мягкое женское чувство: она ни в какой степени не ослепляет меня, напротив, она делает меня особенно чутким к твоим недостаткам; указывать тебе на них – не только мое право, но и моя обязанность, твоя же обязанность – исправлять их, и это всегда будет в твоих интересах. Тщательно проверяя тебя, я до сих пор не обнаружил, слава богу, ничего дурного в твоём сердце и никаких особых пороков в твоём уме, но я нашел в тебе леность, невнимание и равнодушие, недостатки, простительные разве только старикам, которые на склоне жизни, когда телесные и духовные силы иссякают, могут иметь известное право на подобного рода инертность. У человека же молодого должно быть стремление блистать и быть всюду первым; он должен быть насторожен, деятелен и неутомим в поисках средств, чтобы этого добиться, как Цезарь, *nil actum reputans, si quid superesset agendum*²⁹. Тебе, по-видимому, не хватает той *vivida vis animi*³⁰, которая побуждает и подзадоривает большинство молодых людей нравиться, блистать, превосходить своих сверстников. Будь уверен, что без желанья и без усилий, направленных на то, чтобы чем-то стать, ты ни при каких обстоятельствах ничем не станешь; точно так же, как без желанья и внимания, необходимых, чтобы кому-то понравиться, ты никогда никому не понравишься. *Nullum numen abest, si sit prudentia*³¹, безусловно справедливо в отношении всего, кроме поэзии, и я твердо убежден, что любой человек средних способностей может надлежащей работой над собой, усердием, вниманием и упорством сделаться всем, чем захочет, кроме как хорошим поэтом.

Твое будущее поприще – это огромный деловой мир; предмет, которым ты в настоящее время занят, – это дела, интересы, история, государственное устройство, обычаи и нравы

²⁶ Шафхаузен – главный город одноименного швейцарского кантона на Рейне.

²⁷ Берлин – крытая коляска.

²⁸ Кстати (фр).

²⁹ Не считавший, что сделал дело, если надо что-то доделывать (лат.).

³⁰ Животворной силы души (лат.).

³¹ Ни одно божество не оставит тебя (без помощи), если ты сам будешь благоразумен (лат.).

различных стран Европы. Во всех этих предметах всякий человек средних способностей, при средней затрате сил, вне всякого сомнения, преуспеет. Историю, как древнюю, так и новую, человеку внимательному изучить нетрудно. То же самое относится к географии и хронологии; ни та, ни другая не требуют никакой особой находчивости, никаких исключительных дарований. Что же касается искусства говорить и писать ясно, правильно и к тому же изящно и легко, то ему, разумеется, надо учиться, вдумчиво читая лучших писателей и внимательно вслушиваясь в речь тех, кто более всего достоин нашего подражания. Вот те качества, которые особенно нужны тебе в избранной тобой области и которые ты, если захочешь, сможешь выработать в себе. И говорю тебе прямо, я очень на тебя рассержусь, если ты этого не сделаешь; коль скоро у тебя есть все возможности, то надо воспользоваться ими, иначе виноват во всем будешь ты один.

Если старание и усердие необходимы для приобретения качеств, без которых ты никогда ничем не сможешь стать и что-либо представлять собою в свете, то они не менее необходимы и для приобретения тех второстепенных качеств, которые делают человека приятным в обществе и желанным гостем. По правде говоря, все, что вообще-то стоит делать, стоит делать хорошо, а ты ничего не сможешь сделать хорошо, если не будешь внимателен. Поэтому необходимость быть внимательным я распространяю и на вещи ничтожнейшие, в том числе на танцы и на занятия туалетом. В силу сложившегося обычая танцы могут иногда стать для молодого человека необходимостью, поэтому, занимаясь ими, помни, что ты должен научиться хорошо танцевать и что даже в том, что само по себе смешно, смешным ты выглядеть не должен. То же самое относится и к одежде; одеваться необходимо, поэтому ты должен и к этому отнестись серьезно: не для того, чтобы соперничать с каким-нибудь щеголем или победить его, но для того, чтобы не выделяться из всех и не казаться поэтому смешным. Обрати самое серьезное внимание на то, чтобы одеваться так, как все уважающие себя люди твоего возраста оделись бы, идя туда, куда идешь ты, ничем не дав повода обсуждать свою одежду как чересчур небрежную или, напротив, чересчур изысканную.

Тот, кого принято называть человеком рассеянным, обычно либо человек очень слабый, либо же – очень чем-то увлеченный, но, будь он тем или другим, я убежден, что в обществе он до крайности неприятен. Он то и дело попадает впросак; создается впечатление, что сегодня он уже не узнает людей, с которыми вчера был как будто накоротке. Он не принимает участия в общем разговоре, напротив того, время от времени он вдруг начинает говорить что-то свое, как будто его только что разбудили. Это, как я уже сказал, – верный признак человека или настолько слабого, что он не в состоянии одновременно удержать в сознании более одного предмета, или настолько чем-то увлеченного, что можно подумать, будто он целиком поглощен решением каких-то очень больших и важных задач и все мысли его направлены на них. У сэра Исаака Ньютона, м-ра Локка³² и, может быть, еще человек у пяти-шести с самого Сотворения мира было право на рассеянность, проистекающую от крайней напряженности мысли, которой требовали их занятия. Но если молодой человек, и к тому же бывающий в свете, у которого нет таких отвлекающих от всего на свете дел, будет проявлять на людях подобного рода рассеянность и считать себя вправе это делать, то это мнимое его право на рассеянность, создающее ему исключительное положение в обществе, обернется для него скорее всего тем, что он будет просто-напросто из этого общества исключен. Сколь бы пустой и легкомысленной ни была та или иная компания, коль скоро ты находишься в ней, не показывай людям своим невниманием к ним, что ты считаешь их

³² Локк Джон (1632–1704) – английский философ, медик по образованию. Опроверг ходившее в его время представление о «врожденных идеях» и утверждал влияние среды. Главные произведения его – «Опыт о человеческом разуме» (1690), «Письма о терпимости» (1690–1692), «Трактат о государстве», в которых он отрицает «божественное право» королей и оправдывает революцию, «Мысли о воспитании» (1693). Как философские, так и педагогические взгляды Локка оказали значительное влияние на Честерфилда.

пустыми; лучше будет, если ты настроишь себя на их лад и в какой-то степени примиришься с их слабостями, вместо того чтобы выказывать свое презрение к ним.

Презрение людям перенести всего тяжелее, и они очень неохотно его прощают. Им гораздо легче забыть любой причиненный им вред, нежели просто обиду. Поэтому, если тебе больше хочется нравиться людям, нежели оскорблять их, хочется возбуждать в них любовь, а не ненависть, будь к ним всегда внимателен, памятуя, что у каждого человека есть свое маленькое самолюбие, и этим вниманием ты всегда ему льстишь. Недостаток же внимания уязвляет его гордость и неминуемо вызывает в нем возмущение или по меньшей мере недоброжелательство. Например, у большинства людей (я бы даже сказал – у всех без исключения) есть свои слабости: к каким-то вещам они питают страсть, к другим – отвращение, поэтому, если бы ты вздумал смеяться над человеком за то, что он терпеть не может кошек или сыр (чего, к слову сказать, не выносят очень многие), или по невнимательности своей и небрежности допустил, что человек этот натолкнулся на нечто для него неприятное и что ты мог предотвратить, он сочтет первое за обиду, а второе – за неуважение к себе и запомнит то и другое. Если же ты постарайся добыть для него то, что он любит, и избавить его от того, чего он не выносит, он почувствует, что ты, во всяком случае, к нему внимателен; самолюбие его будет польщено, и этим ты, может быть, больше приблизишь его к себе, чем какой-то более важной услугой. Что же касается женщин, то здесь необходимо бывает оказывать и еще менее существенные знаки внимания и следовать в этом обычаям света, как этого всегда ждут от человека воспитанного.

Длинные письма, которые я посылаю тебе, несколько не будучи уверен в том, что они возымеют свое действие, напоминают мне листки бумаги, которые ты еще недавно – а я когда-то давно – пускал на ниточке к поднявшимся в воздух змеям. Мы звали их «курьерами»: иные из них ветер уносил прочь, другие рвались об веревку, и только немногие подымались вверх и прилеплялись к змею. Но сейчас, как и тогда, я буду доволен, если даже немногие из моих «курьеров» смогут прилепиться к тебе. Прощай.

XIV

Лондон, 27 марта ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Наслаждение – это тот риф, об который разбиваются большинство молодых людей. Стремясь найти его, они пускаются в море на всех парусах, но у них нет компаса, чтобы направить свой путь, у них недостаточно разума, чтобы вести корабль по какому-нибудь верному курсу. Поэтому путешествие их, вместо того чтобы доставить им наслаждение, кончается для них мукою и позором. Не думай, что я собираюсь осуждать наслаждение, подобно ворчливому стоику, или, подобно какому-нибудь пастору, призывать от него отречься. Нет, я, напротив, хочу обратить на него твое внимание и рекомендовать его тебе, как истый эпикуреец. Я хочу, чтобы ты испил его сполна, и моя единственная цель – сделать так, чтобы ты в нем не обманулся.

Едва ли не каждый молодой человек превыше всего стремится стать жизнелюбцем; но чаще всего юноши принимают это понятие на веру и, вместо того чтобы сообразоваться со своими собственными вкусами и склонностями, слепо готовы почитать наслаждением то, что этим именем называют люди, с которыми они больше всего общаются. А в обычном смысле слова жизнелюбец – всего-навсего кутила, непробудный пьяница, заправский распутник и отчаянный сквернослов. Коль скоро это может оказаться полезным для тебя, я охотно признаюсь, как бы мне это ни было стыдно, что пороки моей юности проистекали не столько от моих естественных дурных склонностей, сколько от глупого желания быть в представлении окружающих жизнелюбцем. Всю свою жизнь я ненавидел вино, и, однако, мне часто случалось выпивать: порою с отвращением, с неизбежно следовавшим за этим на другой день недомоганием, – и все только потому, что я считал, что умение пить – это необходимое качество для настоящего джентльмена и эпикурейца.

То же можно сказать и о карточной игре. Я не нуждался в деньгах, и, разумеется, мне никогда не случалось садиться за игру ради того, чтобы приобрести их. Но я считал, что игра – это второе необходимое качество жизнелюбца, и поэтому, начав с того, что стал предаваться ей без всякого желания, отказывался ради нее потом от множества настоящих удовольствий и загубил тридцать лучших лет своей жизни.

Я дошел даже одно время до такой нелепости, что научился сквернословить, дабы украсить и дополнить блистательную роль, которую мне хотелось играть, однако я вскоре же оставил это безрассудство, поняв, насколько всякое сквернословие порочно и непристойно.

Так вот, соблазненный модой и слепо предаваясь наслаждениям мнимым, я терял подлинные: я расстроил свое состояние и расшатал здоровье – и этим, должен признаться, я понес заслуженное наказание за свои проступки.

Пусть же все это послужит тебе предостережением: умей выбирать наслаждения сам и никому не позволяй их себе навязывать. Следуй природным своим побуждениям, а отнюдь не моде: положи на одну чашу весов всю ту радость, которую несут тебе наслаждения сегодняшнего часа, а на другую – то, что неизбежно за ними следует, и, руководствуясь здравым смыслом, сделай свой выбор.

Доведись мне начать жизнь сначала и обладай я тем опытом, который у меня сейчас есть, я бы наполнил эту жизнь подлинными, а не воображаемыми наслаждениями. Я бы сполна насладился яствами и вином, но уберег бы себя от страданий, связанных с избытком того и другого.

В двадцать лет я не сделался бы проповедником воздержания и трезвости; и я бы предоставил другим людям поступать, как они хотят, не упрекая их за это и не читая им морали, но я бы твердо решил не вредить собственным способностям и не губить здоровья в угоду

тем, кто не хочет беречь свои. Я бы стал играть, чтобы получить удовольствие, но не для того, чтобы испытывать страдания: иными словами, я бы стал играть по маленькой, в смешанном обществе, чтобы развлечься и отдать дань существующему обычаю. Но я бы остерегся играть на такие суммы, которые в случае выигрыша все равно не принесли бы мне ничего хорошего, а в случае проигрыша поставили бы меня перед необходимостью платить долги, а после этого в чем-то себе отказывать. Не говорю уже о тех ссорах, которые обычно следуют за всякой крупной игрой.

Я стал бы посвящать часть моего времени чтению, а оставшиеся часы проводить в обществе людей умных и образованных и стараться больше находиться среди тех, кто выше меня. Я бы не пренебрегал и смешанным светским обществом, состоящим из мужчин и женщин. Пусть оно часто грешит легкомыслием, такое общество всегда освежает человека и дает ему отдых, что небесполезно, ибо при этом манеры наши смягчаются и приобретают известный блеск.

Таковы были бы мои удовольствия и развлечения, если бы мне довелось прожить еще раз последние тридцать лет моей жизни; удовольствия эти разумны, и, кроме того, должен тебе сказать, что они-то и есть истинно светские, ибо все прочее отнюдь не свойственно тем, кого я называю светскими людьми, а только тем, кто сам себя так называет. Неужели же хорошему обществу может быть приятно присутствие человека, напившегося до положения риз, или человека, который рвет на себе волосы и богохульствует, потому что проигрался в карты и ему нечем платить свой долг? Или же, наконец, распутника, который лишился половины носа и стал калекой, оттого что предавался низкому и постыдному разврату? Нет, тот, кто всем этим занимается, а тем более тот, кто способен еще этим хвастать, не вправе причислять себя к хорошему обществу, а если его и допускают туда порой, то всегда с большой неохотой. По-настоящему светский человек и подлинный жизнелюбец соблюдает приличия и уж, во всяком случае, не перенимает чужих пороков и не старается пустить людям пыль в глаза, если же, на его несчастье, он сам одержим каким-то пороком, то он старается удовлетворить его с отменной осторожностью и втайне.

Я не упомянул о наслаждениях ума (которые весьма основательны и прочны), ибо они не подходят под категорию того, что принято называть наслаждением; люди, должно быть, считают, что само слово «наслаждение» относится всецело к области чувств. Наслаждение добродетелью, милосердием и знаниями – это подлинное и непреходящее наслаждение, и я надеюсь, что ты познаешь его всерьез и надолго. Прощай.

XV

Лондон, 14 апреля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Если сознание, что ты поступаешь хорошо, приносит тебе хотя бы половину того удовольствия, которое я испытываю сейчас, получив от м-ра Харта приятное известие о тебе, мне вряд ли явится необходимость наставлять тебя и уговаривать что-то делать. Хорошие поступки ты будешь совершать уже потому, что тебе захочется удовлетворить свои желания и собственное свое самолюбие. М-р Харт пишет мне, что ты внимателен и усерден в своих занятиях и что, чем больше ты в них вникаешь, тем больше они тебе нравятся. Удовольствие, которое ты испытываешь сейчас, будет все возрастать и идти в ногу с твоим вниманием, так что соотношение того и другого неизменно будет в твою пользу.

Ты должен помнить, что я всегда настоятельно советовал тебе делать свое дело, каким бы оно ни было, и только его, и ни за что другое в это время не браться. Не думай только, что это должно означать для тебя засесть за книгу и корпеть над ней целый день. Отнюдь. Я хочу, чтобы у тебя были также и удовольствия и чтобы, когда дело дойдет до них, ты и на них сумел бы сосредоточиться так же безраздельно, как и на занятиях. Если же ты не сумеешь уделить должное внимание и тому и другому, ни то, ни другое не принесет тебе ни удовлетворения, ни успеха. Человек, который неспособен овладеть своим вниманием и направить его на нужный предмет, изгнав на это время все остальные мысли, или который просто не дает себе труда об этом позаботиться, негоден ни для дела, ни для удовольствия. Если где-нибудь на балу, за ужином, в веселой компании человек принялся бы решать в уме геометрическую задачу, он оказался бы очень неинтересным собеседником и представлял бы собою в обществе жалкое зрелище. А если в часы, посвященные геометрии, мысли его клонились бы к менуэту, то, думается, математик бы из него вышел неважный. День велик, и его хватит на все, если одновременно ты бываешь занят чем-то одним, и вместе с тем целого года тебе ни на что не хватит, если ты будешь делать два дела сразу. <...>

XVI

Лондон, 30 июля ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Четыре раза уже приходила почта и – ни одного письма, ни от тебя, ни от м-ра Харта. Я приписываю это тому, что ты очень часто переезжаешь в Швейцарии из одного места в другое. Надеюсь, что теперь ты уже обосновался где-нибудь более прочно.

В последних моих письмах – к тебе и м-ру Харту – я писал, что к дню Михаила Архангела тебе надо быть в Лейпциге, где ты будешь жить в доме профессора Мэско³³ и находиться на пансионе в одном из ближайших домов вместе с еще несколькими молодыми людьми твоего круга. Профессор прочтет тебе лекции о *De jure belli et pacis*³⁴ Гроция³⁵, «Институциях» Юстиниана³⁶ и *Jus publicum Imperii*³⁷, и я надеюсь, что ты не только прослушаешь их, но внимательно вникнешь в суть дела и все запомнишь. Я полагаю также, что ты в совершенстве овладеешь немецким языком, что, если только ты захочешь, ты сможешь сделать за очень короткое время. Должен тебя предупредить, что в Лейпциге у меня будет добрая сотня шпионов, которые будут невидимо за тобою следить и доставят мне точные сведения обо всем, что ты будешь делать, и почти обо всем, что ты будешь говорить. Надеюсь, что, получив эти обстоятельные сведения, я смогу сказать о тебе то, что Веллей Петеркул³⁸ говорит о Сципионе, что за всю жизнь он «*nihil non laudandum aut dixit aut fecit, aut sensit*»³⁹.

В Лейпциге ты встретишь множество достойных людей, и мне хочется, чтобы, закончив свои дневные занятия, ты проводил в их обществе вечера. Там есть нечто вроде двора, который держит вдовствующая герцогиня Курляндская; мне хочется, чтобы тебя туда ввели. В Лейпциг приезжает также два раза в год на ярмарку король польский со своим двором, и я напишу сэру Чарлзу Уильямсу⁴⁰, королевскому посланнику, чтобы он представил тебя и ввел в хорошее общество.

Должен только заметить, что вряд ли тебе будет смысл посещать хорошее общество, если ты не окажешься под стать ему и не усвоишь манеры, которые его отличают, если ты не будешь стараться нравиться людям и не покажешь себя юношей воспитанным, умеющим держаться с той непринужденностью, которая свойственна настоящему светскому человеку. Следя за своими манерами, не пренебрегай и наружностью: помни, что ты должен всегда быть очень опрятно и изящно одет и всегда обходителен, что надо стараться всячески избегать неприятных для окружающих поз и неловких жестов; есть ведь немало людей, у которых все это вошло в привычку, и они уже не могут себя переделать. Помнишь ли ты, что надо полоскать рот – по утрам и каждый раз после еды? Это совершенно необходимо, для того чтобы надолго сохранить зубы и тем самым избавить себя от многих мучений. Мои

³³ Мэско Джеймс (1689–1762) – профессор юриспруденции. Автор известной «Истории немецкого народа» (1726).

³⁴ О праве военного и мирного времени (лат.).

³⁵ Гроций, де Гроот Гуго (1583–1645) – голландский мыслитель, юрист, государственный деятель. Автор «Трех книг о праве войны и мира» (1625), труда, отмеченного стремлением к разумно устроенному общежитию и разрешению всех конфликтов мирным путем.

³⁶ Юстиниан (ок. 483–565) – Юстиниан I, император Византии с 527 по 565 г. Значительно расширил границы империи победами в Персии, в Африке, Италии и Испании. Известен как законодатель, утверждающий в своих трудах абсолютную власть монарха под покровительством Бога. «Институции» (529) – своего рода учебник для начинающих юристов.

³⁷ Публичное право Империи (лат.).

³⁸ Веллей Петеркул (ок. 19 г. до н. э. – ок. 31 г.) – римский историк. В своей «Римской истории» особенно подробно излагает события, относящиеся к периоду принципата Августа, свидетелем которых он был.

³⁹ Не сказал, не сделал и не почувствовал ничего, что не заслуживало бы похвалы (лат.).

⁴⁰ Уильямс Чарлз Хенбери (1709–1759) – английский дипломат, поэт; в то время советник английского посольства при Дрезденском дворе.

зубы доставили мне немало страданий, и сейчас вот они выпадают только потому, что, когда я был в твоём возрасте, я недостаточно им уделял внимания. Хорошо ли ты одеваешься и не слишком ли хорошо? Достаточно ли следишь за тем, какой у тебя вид и манеры, когда появляешься где-нибудь, и не держишь ли ты себя при этом слишком развязно или слишком натянуто? Все это требует некоторых усилий и произвольного внимания; наши истинные достоинства приобретают тогда дополнительный блеск. Лорд Бэкон⁴¹ говорит, что приятная наружность – это вечное рекомендательное письмо. Вне всякого сомнения, это приятный предвестник истинного достоинства, – она расчищает для него путь.

Не забудь, что я увижусь с тобою в Ганновере летом и буду ждать от тебя во всем совершенства. Если же я не обнаружу в тебе этого совершенства или хотя бы чего-то очень близкого к нему, мы вряд ли с тобою поладим. Я буду расчленять тебя, разглядывать под микроскопом и поэтому сумею заметить каждое крохотное пятнышко, каждую пылинку. Мое дело – предупредить тебя, а меры ты принимай сам. Твой...

⁴¹ *Бэкон Френсис (1561–1626), впоследствии барон Веруламский* – английский философ, родоначальник английского материализма и всей современной экспериментальной науки. Главные философские труды – «Опыты и наставления – нравственные и политические» (1597–1625), «Новый Органон» (1620), незаконченный утопический роман «Новая Атлантида» (1628).

XVII

Лондон, 21 сентября ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Получил с последней почтой твое письмо от 8 н. ст. и нисколько не удивляюсь тому, что тебя поразили и предрассудки папистов в Эйнзидельне⁴², и все нелепости, которые они рассказывают о своей Церкви. Помни только, что заблуждения и ошибки в отношении взглядов, как бы грубы они ни были, если они искренни, должны вызывать в нас жалость, и не следует ни наказывать за них, ни смеяться над ними. Человека с ослепшим умом надо пожалеть так же, как и того, у кого ослепли глаза: и если в том и другом случае кто-нибудь сбивается с пути, он не виновен и не смешон. Милосердие требует, чтобы мы направили его на путь истинный, и милосердие же запрещает нам наказывать или высмеивать того, кого постигла беда. Каждому человеку дан разум, который им руководит и должен руководить, и хотеть, чтобы каждый рассуждал так, как я, все равно что хотеть, чтобы каждый был моего роста и моего сложения. Каждый человек ищет правды, но одному только Богу ведомо, кто эту правду нашел. Поэтому несправедливо преследовать, а равно и высмеивать людей за те убеждения, которые сложились у них в соответствии с их разумом и не могли сложиться иначе.

Виновен тот, чьи слова или поступки заведомо лживы, а не тот, кто честно и искренне в эту ложь поверил. Я действительно не знаю ничего более преступного, более низкого и более смешотворного, чем ложь. Это – порождение злобы, трусости или тщеславия, но, как правило, ни одно из названных чувств не достигает с ее помощью своей цели, ибо всякая ложь рано или поздно выходит на чистую воду. Если я солгал по злобе, чтобы повредить доброму имени человека или его карьере, я, может быть, действительно на какое-то время нанесу ему вред, но можно с уверенностью сказать, что в конце концов больше всего пострадаю я сам, ибо, как только обнаружится моя ложь (а она, вне всякого сомнения, обнаружится), меня осудят за то, что я был так низок, и все, что бы я потом ни сказал в порицание этого человека, пусть даже это будет сушая правда, сочтут клеветой. Если я буду лгать или прикрываться двусмысленностью, а это одно и то же, для того чтобы оправдать какие-то слова свои или поступки и тем самым избежать опасности или стыда, которых боюсь, я сразу же выдам этим и страх свой, и ложь, и, таким образом, я не только не избавлюсь от опасности и позора, но лишь усугублю и то и другое и к тому же выкажу себя самым подлым и низким из людей, – и можно быть уверенным, что ко мне так и будут относиться до конца моих дней. Страх, вместо того чтобы отвращать опасность, ее накликает, ибо тайные трусы начинают клеймить явных. Если человек, на свое несчастье, совершил какой-то проступок, самое благородное, что он может сделать, это откровенно признаться в нем – это единственная возможность искупить его и получить за него прощение. Увиливание, увертки, подтасовка, для того чтобы избежать опасности или неудобства, настолько низки и выявляют такой безотчетный страх, что человек, прибегающий к ним, заслуживает только пинка и, кстати говоря, нередко его получает.

Есть и еще одна разновидность лжи, сама по себе безобидная, но до крайности нелепая, я говорю о лжи, порожденной неправильно понятым тщеславием; такого рода ложь сразу же компрометирует саму цель, ради которой возводятся все эти хитрости, и завершается смущением и посрамлением того, кто их измыслил. Сюда относятся главным образом

⁴² ...*предрассудки папистов в Эйнзидельне*... – город швицкого кантона Швейцарии. Имеются в виду легенды, связанные с основанием расположенного близ города бенедиктинского монастыря, который привлекал многочисленных паломников.

ложь рассказчиков и ложь историков, назначение которой – безмерно прославить ее сочинителя. Он всегда оказывается героем созданий своей фантазии: он подвергался различным опасностям, которых, кроме него, никто никогда не мог избежать; он собственными глазами видел все то, что другие люди знают только из книг или понаслышке; на его долю выпало больше *bonnes fortunes*⁴³, чем он вообще когда-либо знал женщин; и за один день он ухитрился проделать столько миль, сколько ни один курьер никогда не проделывал за два. Ложь эта скоро разоблачается, и хвастун становится предметом всеобщего презрения и насмешки. Так помни же, пока ты жив: только строгая правда может быть водителем твоей по свету, и лишь следуя ей одной, ты не осквернишь ничем ни совести своей, ни чести. Это делается не только во имя долга, но и ради твоих же собственных интересов, доказательством чего является то, что отменные дураки бывают в то же время и величайшими лжецами. Стоит только присмотреться к этим людям, и ты убедишься, что я прав. Сам я сужу о том, правдив ли человек, на основании того, насколько он умен.

Письмо это ты, очевидно, получишь в Лейпциге: жду, что, живя там, ты будешь внимателен и аккуратен, я требую этого от тебя, потому что до сих пор и того, и другого тебе не доставало. Помни, что, когда летом мы увидимся с тобой, я очень пристально тебя рассмотрю и никогда не забуду и не прощу тебе недостатков, от которых в твоей власти было уберечься или избавиться, и что, помимо м-ра Харта, в Лейпциге следить за тобою будет немало глаз. Прощай.

⁴³ *Побед (фр).*

XVIII

Лондон, 9 октября ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

В твоём возрасте юноши бывают обычно до крайности простосердечны и легко могут поддаваться обману со стороны людей искушенных, которые потом злоупотребляют их доверием. Стоит какому-нибудь олуху или плуту сказать, что он их друг, как они этому верят и отвечают на его притворные излияния дружеских чувств опрометчивым и безграничным доверием, которое всегда вредит им, а нередко их даже губит. Ты вступаешь в свет – опасайся же людей, предлагающих тебе свою дружбу. Будь с ними очень учтив, но вместе с тем и очень недоверчив; отвечай им любезностями, но только не откровенностью. Не позволяй самолюбию твою и тщеславию обольщать себя мыслью, что люди могут стать твоими друзьями с первого взгляда или после непродолжительного знакомства. Подлинная дружба созревает медленно и расцветает только там, где люди действительно доказали ее друг другу.

Есть, правда, еще одна разновидность того, что принято называть дружбой: она сближает молодых людей и какое-то время бывает горячей, но, по счастью, длится недолго. Этой скороспелой дружбе способствует случай, сводящий людей вместе за разгулом и кутежом и скрепляющий их союз бесстыдством и пьянством. Нечего сказать, дружба! Ее скорее следовало бы назвать заговором против нравственности и приличия и наказывать за нее по суду. Однако у людей хватает бесстыдства и безрассудства называть этот сговор дружбой. Они одалживают друг другу деньги на разные дурные дела; в угоду своим сообщникам они ввязываются в ссоры, присоединяясь либо к нападающей, либо к защищающейся стороне. Они рассказывают друг другу все, что знают, а иногда и больше. Та к все происходит до той минуты, пока какой-нибудь неожиданный случай не разъединит их: после этого ни один из них уже больше не думает о другом, разве только для того, чтобы предать откровенные признания, которые тот так неосторожно сделал, и посмеяться над ними. Помни, сколь великая разница существует между случайными товарищами и настоящими друзьями: очень приятный и услужливый собутыльник может оказаться очень неподходящим и очень опасным другом, и в жизни так оно часто и бывает.

Мнение людей о тебе в значительной степени будет зависеть от их мнения о твоих друзьях. Есть очень справедливая испанская поговорка: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». Само собой ведь напрашивается предположение, что человек, который заводит дружбу с мошенником или с дураком, собирается совершить что-то нехорошее или хочет что-то скрыть. Старательно избегай всякой дружбы с дураками и плутами, если в отношениях с такими людьми вообще применимо слово «дружба». Но не следует также и делать из них врагов ради забавы и без всякого к тому повода; ведь тех и других очень много, и я бы предпочел соблюдать надежный нейтралитет, нежели заключать с кем-то из них союз или вступать в борьбу. Ты можешь быть явным врагом их пороков и сумасбродств, не будучи личным врагом никого из них в отдельности. Враждовать с такими людьми почти так же опасно, как дружить. Старайся быть по-настоящему сдержанным со всеми, не допускай, однако, притворной сдержанности ни с кем. Притворная сдержанность очень неприятна, но не быть сдержанным чрезвычайно опасно. Мало кто умеет найти золотую середину; многие до смешного скрытны и привыкли утаивать даже сущие пустяки, но немало также и людей, готовых разболтать кому угодно все, что они знают.

За выбором друзей следует выбор общества. Приложи все усилия к тому, чтобы общаться с теми, кто выше тебя. Это подымет тебя, тогда как общение с людьми более низкого уровня вынудит тебя опуститься, ибо, как я уже сказал, каково общество, в котором ты находишься, таков и ты сам. Когда я говорю о людях, которые выше тебя, пойми меня

правильно и не подумай, что я разумею их происхождение, – это менее всего важно. Я имею в виду их истинные достоинства и то мнение о них, которое сложилось в свете.

Хорошее общество бывает двух родов: одно зовется *beau monde*⁴⁴ и состоит из людей, которые занимают привилегированное положение при дворах и больше всех остальных предаются развлечениям; другое же состоит из тех, кто имеет какие-либо особые заслуги или добился значительных успехов в определенных и очень ценимых нами науках и искусствах. Что касается меня самого, то, когда я бывал в обществе м-ра Аддисона⁴⁵ и м-ра Попа, я чувствовал себя так, как будто нахожусь с государями всей Европы. Низким же обществом, тем, которого всячески следует избегать, я называю общество людей ничтожных и самих по себе достойных презрения: такие считают за большую честь находиться вместе с тобой и готовы потакать каждому твоему пороку и каждой причуде для того только, чтобы с тобой общаться. Людям свойственно гордиться, что в определенном кругу они всегда бывают на первом месте, но это крайне глупо и крайне предосудительно. Ничто на свете так не унижает человека, как подобное заблуждение.

Ты, может быть, спросишь меня, всегда ли человек властен войти в хорошее общество и как он этого может добиться. Уверяю тебя, да, властен; ему надо только заслужить это право, конечно, если средства позволяют ему вести образ жизни джентльмена. Человек способный, достойный и хорошо воспитанный всюду проложит себе дорогу. Основательные знания введут его в лучшее общество, а манеры сделают его желанным гостем. Я ведь уже говорил тебе, что вежливость и хорошие манеры совершенно необходимы для того, чтобы украсить любые другие достоинства и таланты. Без них никакие знания, никакое совершенство не предстают в надлежащем свете. Без них ученый обращается в педанта, философ – в циника, военный – в грубого скота, так что и с тем, и с другим, и с третьим неприятно даже встречаться. <...>

⁴⁴ *Высшим светом (фр).*

⁴⁵ *Аддисон Джозеф (1672–1719)* – английский писатель и государственный деятель. Совместно с Ричардом Стилем (1672–1729) издавал журналы «Зритель» (Spectator), «Опекун» (Tutor), «Болтун» (Tattler), которые положили начало английской журналистике. Автор широкоизвестной в свое время трагедии «Катон», в которой он призывал буржуазию служить высоким гражданским идеалам. В 1706 г. занимал должность помощника статс-секретаря; с 1708 г. до конца дней был членом парламента.

XIX

Лондон, 16 октября ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Каждому человеку совершенно необходимо уметь нравиться, но искусством этим овладеть нелегко. Вряд ли его можно свести к определенным правилам, и твой собственный здравый смысл и наблюдательность подскажут тебе больше, нежели все мои советы.

Относись к другим так, как тебе хотелось бы, чтобы они относились к тебе, – вот самый верный способ нравиться людям, какой я только знаю. Внимательно подмечай, какие черты тебе нравятся в людях, и очень может быть, что то же самое в тебе понравится другим. Если тебе приятно, когда люди внимательны и чутки к твоему настроению, вкусам и слабостям, можешь быть уверен, что внимательность и чуткость, которые ты в подобных же случаях выкажешь другим, будут им также приятны. Сообразуйся с тоном, господствующим в обществе, в которое ты попал, и не старайся задать ему свой; будь серьезен, весел и даже легкомыслен, шути – в зависимости от того, какое будет в эту минуту настроение у всей компании; именно так каждый отдельный человек должен вести себя по отношению к обществу в целом. Не надо докучать собравшимся, рассказывая какие-нибудь истории, это самое нудное и неприятное, что только может быть. Если ты случайно знаешь какой-нибудь очень короткий рассказ, имеющий прямое отношение к предмету, о котором в данную минуту идет разговор, расскажи его как можно короче, но даже и тогда заметь, что, вообще-то говоря, ты не любишь рассказывать истории и в данном случае прельстила тебя только краткость.

Прежде всего избавься от привычки говорить о себе и не вздумай занимать своих собеседников собственными волнениями или какими-либо личными делами; как они ни интересны тебе, всем остальным слушать о них утомительно и скучно. Кроме того, надо уметь молчать вообще обо всем, что имеет значение лишь для тебя одного. Какого бы ты сам ни был мнения о своих достоинствах, не выставляй их напоказ в обществе, не следуй примеру тех хвастливых людей, которые стараются повернуть разговор именно так, чтобы представилась возможность их выказать. Если это подлинные достоинства, люди о них неминуемо узнают и без тебя и тебе же это будет гораздо выгоднее. Никогда не доказывай своего мнения громко и с жаром, даже если в душе ты убежден в своей правоте и твердо знаешь, что иначе и быть не может, – выскажи его скромно и спокойно, ибо это единственный способ убедить; если же тебе не удастся это сделать, попытайся попросту перевести разговор на другую тему и весело скажи: «Вряд ли нам удастся переубедить друг друга, да в этом и нет необходимости, поэтому давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом».

Помни, что у каждой компании есть свои привычки и склонности и то, что как нельзя лучше подходит для одной, может очень часто оказаться совершенно неприемлемо в другом месте.

Шутки, разного рода *bons mots*⁴⁶, забавные случаи из жизни, которые придется очень кстати в одной компании, если их рассказать в другой, покажутся плоскими и скучными. Какие-то особенности характеров, привычки, условный язык, принятый в той или иной компании, могут придать определенное значение слову или жесту, которые не имели бы его вовсе, не будь этих привходящих обстоятельств. Люди здесь очень часто совершают ошибку, пристрастившись к чему-то, что забавляло их в определенном кругу и при определенных условиях, они настойчиво повторяют это в другом кругу, при других обстоятельствах, где то же самое становится либо неинтересным, либо, может быть, даже оскорбительным, из-за того что употреблено не к месту или не ко времени.

⁴⁶ Остроты (фр).

Часто они даже начинают с глупого предисловия, вроде: «Сейчас я расскажу вам замечательную историю» или «Я расскажу вам нечто необычайно интересное». Они вселяют в своих слушателей надежды, и, когда надежды эти ни в какой мере не сбываются, незадачливый рассказчик «замечательной истории» оказывается в дурацком положении, которое он, надо сказать, вполне заслужил.

Если тебе особенно хочется завоевать расположение и дружбу определенных людей, будь то мужчины или женщины, постарайся распознать их самое большое достоинство, если таковое имеется, и их самую большую слабость, которая непременно есть у каждого, и воздай должное первому, а второй – даже нечто большее. Есть немало областей, в которых люди хотят всех превзойти или по меньшей мере хотят, чтобы другие думали, что они всех превзошли. И хотя они любят, чтобы им воздавали по достоинству там, где они знают, что действительно достигли чего-то значительного, им больше всего и вернее всего льстит похвала в том, в чем они хотят преуспеть и, однако, не совсем уверены, удастся им это или нет. <...>

Ты легко сможешь распознать в каждом человеке предмет его тщеславия, приметив, о чем он особенно любит говорить, ибо каждому человеку свойственно больше всего говорить о том, в чем ему больше всего хочется добиться всеобщего признания. Коснись именно этого, и ты заденешь его за живое. <...>

У женщин таким предметом чаще всего является их красота. Как только разговор заходит о ней, никакая лесть им не кажется грубой. Природа, должно быть, не создавала еще женщины настолько уродливой, чтобы она могла остаться совершенно равнодушной к похвале, воздаваемой ее наружности. Если лицо ее настолько безобразно, что она не может не знать об этом, ей кажется, что фигура ее и весь ее облик с лихвой восполняют этот недостаток. Окажись у нее некрасивая фигура, она думает, что все уравнивается красотой лица. Если же безобразны и лицо, и фигура, то она успокаивает себя тем, что ей присуще некоторое очарование, умение как-то особенно себя держать, некое *je ne sais quoi*⁴⁷, еще более располагающее к себе, чем сама красота. Мысль эту можно доказать тем, что самая некрасивая женщина на свете тщательно обдумывает, как ей получше одеться. Настоящая, бесспорная красавица, сознающая, что она хороша собой, из всех женщин менее всего поддается такого

⁴⁷ Не знаю что (фр).

рода лести: она знает, что этим ей только воздается должное, и не чувствует себя никому за нее обязанной. Надо похвалить ее ум – хоть сама она, может быть, и не сомневается в нем, она может думать, что мужчины держатся на этот счет иного мнения.

Не пойми меня неверно и не подумай, что я рекомендую тебе низкую и преступную лесть. Нет, не вздумай хвалить ничьих пороков, ничьих преступлений; напротив, умей ненавидеть их и отвращать от них людей. Но на свете нельзя жить без любезной снисходительности к человеческим слабостям и чужому тщеславию, в сущности невинному, хоть, может быть, порой и смешному. Если мужчине хочется, чтобы его считали умнее, чем он есть на самом деле, а женщине – чтобы ее считали красивее, заблуждение это благотворно для них обоих и безобидно для окружающих. И я предпочел бы сделать этих людей своими друзьями, потакая им, нежели своими врагами, стараясь (и притом напрасно) вывести их из этого заблуждения.

Существуют также небольшие знаки внимания, чрезвычайно приятные людям и заметным образом воздействующие на ту ступень гордости и самолюбия, которые неотделимы от человеческой природы. Эти знаки внимания – верное свидетельство нашей предупредительности и нашего уважения к тем, кому мы их оказываем. Можно, например, заметить маленькие привычки, пристрастия, антипатии и вкусы людей, которых нам хотелось бы расположить к себе, и тогда постараться чему-то потакать и от чего-то уберечь их, при этом деликатно дав им понять, что ты заметил, что им нравится такое-то блюдо или такая-то комната, и поэтому приготовил для них то или другое, или же, напротив, что от тебя не укрылось их отвращение к такому-то блюду и неприязнь к такому-то лицу, и ты постарался, чтобы за столом не было этого блюда, а среди гостей не появилось это лицо. Внимание к подобным пустякам льстит самолюбию гораздо больше, нежели вещи более значительные, ибо люди начинают думать, что чуть ли не все мысли твои и заботы направлены на то, чтобы сделать им приятное.

Вот кое-какие секреты, которые тебе необходимо знать, для того чтобы войти в высший свет. Хорошо было бы, если бы в твоём возрасте я знал их лучше сам. Я заплатил за эти знания пятьюдесятью тремя годами жизни и ничего не имел бы против, если бы ты уже сейчас мог воспользоваться теми преимуществами, которые можно извлечь из моего неплохого опыта. Прощай.

XX

Лондон, 11 декабря ст. ст. 1747 г.

Милый мой мальчик!

Мне больше всего хочется, чтобы ты знал одну вещь, которую очень мало кто знает, а именно – какая великая драгоценность – время и как необходимо его разумно использовать. Истина эта известна многим, но мало кто умеет жить в соответствии с нею. Любой дурак, растрачивающий свое время на пустяки, повторяет меж тем какое-нибудь избитое, всем известное изречение – а таких существует великое множество – в доказательство ценности и вместе с тем быстротечности времени. Точно так же по всей Европе разного рода остроумные надписи на солнечных часах напоминают о том же. Таким образом, все те, кто проматывают свое время, ежедневно видят и слышат, как важно для человека проводить его с пользой и как оно невосвратимо, когда его теряют. Но все эти увещевания напрасны, если у человека нет никакой твердой основы: здравого смысла и ума, которые сами подсказали бы ему эти истины, избавив его от необходимости принимать их на веру. Судя по тому, как ты описываешь свои дни, я смею думать, что эта основа у тебя есть: она-то и принесет тебе настоящее богатство. Поэтому я не собираюсь писать сейчас критический трактат об употреблении времени и злоупотреблении им. Я позволю себе только подсказать тебе кое-что в отношении того, как использовать один определенный период того долгого времени, которое, надеюсь, тебе еще придется прожить: я имею в виду два ближайших года.

Запомни же, что, коль скоро ты не заложишь фундамента тех знаний, которые тебе хочется приобрести, до восемнадцати лет, ты никогда потом за всю жизнь этими знаниями не овладеешь. Знания – это убежище и приют, удобные и необходимые нам в преклонные годы, и если мы не посадим дерево, пока мы молоды, то, когда мы состаримся, у нас не будет тени, чтобы укрыться от солнца. Я не требую и не жду от тебя большего усердия в науках после того, как ты вступишь в большой свет. Я понимаю, что это будет невозможно, а в некоторых случаях, может быть, даже и неуместно; поэтому помни, что именно сейчас у тебя есть время для занятий, которые не будут для тебя утомительны и от которых тебя ничто не сможет отвлечь. Такая возможность тебе больше никогда уже в жизни не представится. Если науки, которые ты будешь изучать, порою и покажутся тебе несколько трудными, помни, что труд – неизбежный спутник твой в том путешествии, которого избежать нельзя. Чем больше часов в день ты будешь в пути, тем скорее ты приблизишься к концу путешествия. Чем скорее ты будешь готов к свободе, тем скорее она придет, и твое освобождение из рабства будет целиком зависеть от того, как ты употребишь предоставленное тебе время. Мне кажется, что я предлагаю тебе очень выгодную сделку: даю тебе слово чести, что если ты выполнишь все, что я от тебя хочу, до восемнадцати лет, то после этого в течение всей моей жизни я, в свою очередь, сделаю для тебя все, что ты захочешь.

Я знал одного человека, который был так бережен к своему времени, что не хотел терять даже тех коротких минут, которые ему приходилось проводить за отправлением своих естественных потребностей: в эти минуты он одного за другим успел перечитать всех латинских поэтов. Он покупал какое-нибудь дешевое издание Горация, вырывал из него страницы две и уносил их с собою в нужник, где сначала читал их, а потом уже приносил в жертву Клоацине⁴⁸: этим он сберег немало времени, и я рекомендую тебе последовать его примеру. Лучше поступать так, нежели заниматься в эти минуты исключительно тем, чего ты все равно не можешь не делать, и знай, что любая книга, которую ты таким образом прочтешь, очень отчетливо запечатлется в памяти. Что касается книг научных и сочинений серьезного

⁴⁸ Клоацина – «Очистительница»; богиня большого сточного канала в Риме (cloaca maxima).

характера, то их, разумеется, надо читать не отрываясь, но ведь существует великое множество книг, и, кстати говоря, весьма полезных, которые отлично можно читать урывками и от случая к случаю. Это относится ко всем хорошим латинским поэтам, за исключением Вергилия с его «Энеидой», и к большинству современных поэтов – у них много хороших стихотворений, чтение которых займет самое большее минут семь-восемь. Словари Бейля⁴⁹, Морери⁵⁰ и другие – подходящее чтение для коротких промежутков праздного (при других обстоятельствах) времени, которое есть у каждого человека в течение дня – между занятиями или между развлечениями. Спокойной ночи.

⁴⁹ *Бейль Пьер (1647–1708)* – французский философ, предшественник французских просветителей, утверждавший независимость нравственных достоинств от религиозных убеждений и критически относившийся к религии. Его «Исторический и критический словарь» (1697–1702) имел огромное влияние на умы.

⁵⁰ *Морери Луи (1643–1680)* – французский историк. Автор «Большого исторического словаря» (1674), одного из первых трудов подобного рода.

XXI

2 января ст. ст. 1748 г.

Милый мой мальчик!

Я восхищен тем, как ты распределил время, проведенное в Лейпциге: ты так разумно использовал его с утра и до вечера, что даже и дураку станет ясно, что для себя у тебя ничего не осталось. Вместе с тем я уверен, у тебя достаточно ума, чтобы понять, что так правильно употребить свое время – значит сберечь его для себя. Больше того, тем самым ты кладешь его в рост под огромные проценты, и через несколько лет оно превратится в солиднейший капитал.

Хотя двенадцать из твоих четырнадцати *commensaux*⁵¹, может быть, и не самые интересные люди на свете, и, может быть, им не хватает (как я легко могу предположить) *le ton de la bonne compagnie et les graces*⁵², которое я хочу для тебя, пожалуйста, постарайся не выказывать им презрения и не выставлять их в смешном свете – могу тебя заверить, что этим ты погресишь не только против правил хорошего тона, но и против здравого смысла. Постарайся лучше извлечь из встреч с ними наибольшую пользу и помни, что общение с каждым человеком всегда может быть в том или ином отношении полезным. Во всяком случае, они помогут тебе лучше овладеть немецким языком, а так как они съехались из различных мест, ты можешь навести разговор на предметы, относительно которых они будут в состоянии дать тебе кое-какие полезные сведения. Пусть даже сами они, вообще-то говоря, люди скучные или малопривлекательные, кое-что они все же знают – о законах, обычаях, о своем правительстве, о самых знатных домах своей страны, – все это полезно знать, и поэтому есть смысл обо всем этом расспросить. Нет ведь, пожалуй, человека, который был бы во всех отношениях хорош, и вряд ли можно найти такого, который был бы совсем ни на что не годен. Хороший химик из любого вещества сможет извлечь ту или иную эссенцию; так и человек способный ловкостью своей и умением может извлечь нечто для себя интересное из каждого, с кем он вступит в общение.

Коль скоро тебя представили герцогине Курляндской, прошу тебя, бывай у нее так часто, как тебе это позволят другие более необходимые дела. Мне говорили, что эта женщина в высшей степени воспитанная и даровитая. Хоть я и не стал бы советовать тебе посещать женское общество для того, чтобы искать там основательных познаний или ума, посещение его полезно в других отношениях: пребывание в нем, безусловно, шлифует манеры и придает обходительность, очень нужную в свете и которой англичане наделены меньше, чем какая-либо другая нация.

Не могу сказать, чтобы твои ужины отличались роскошью, но, согласись, они совершенно сытны: после кварты супа и двух фунтов картофеля ты можешь спать спокойно и без особого нетерпения дожидаться утреннего завтрака. Одна из частей твоего ужина (картофель) – это обычная пища моих старых друзей и земляков – ирландцев, а это самые сильные и здоровые люди, каких я знаю в Европе. <...>

⁵¹ *Сотрапезников (фр).*

⁵² *Уменья держать себя в хорошем обществе (фр).*

XXII

Бат, 16 февраля ст. ст. 1748 г.

Мой дорогой мальчик!

<...> Я нисколько не жалею о времени, проведенном в наслаждениях; они были своевременны, это были наслаждения, присущие молодости, и вкушал я их в молодые годы. Если бы этого не случилось, я, вероятно, переоценивал бы их сейчас, ибо всем нам очень свойственно непомерно ценить то, чего мы не знаем.

Но именно благодаря тому, что я испил их с такой полнотой, я знаю теперь их настоящую цену и знаю также, как часто люди придают им больше значения, чем следует. Не жалею я и о времени, проведенном за делом, – и по той же причине. Те, кто видят только внешнюю его сторону, воображают, что оно содержит в себе некое скрытое очарование, которое им не терпится вкусить, – и только более близкое знакомство с ним помогает им открыть истину. Я, который пробыл за кулисами как наслаждений, так и дел и видел все тросы и блоки, которые передвигают декорации, изумляющие и ослепляющие публику, ухажу на покой не только без сожаления, но и с чувством спокойного удовлетворения.

Но о чем я жалею и всегда буду жалеть, так это о времени, которое я в молодые годы проводил в праздности и безделье и которое навсегда для меня потеряно. Это обычное следствие юношеской неосмотрительности, против которой я решительным образом тебя предостерегаю. Ценность мгновений, если их собрать воедино и употребить с пользой, огромна, потеря же, если они растрacены попусту, невозвратима. Из каждого мгновения человек может извлечь известную пользу, и это сопровождается удовольствием, гораздо большим, чем то, с которым это мгновение упускается. Не думай, что, говоря «употреблять с пользой время», я разумею непрерывные занятия чем-то серьезным. Нет, в положенные часы удовольствия столь же необходимы, сколь и полезны: они образуют человека, придают ему тот вид, который он должен иметь в обществе, посвящают его в характеры других людей и открывают ему чужое сердце в такие минуты, когда оно не бывает настороже. Не забудь только, что надо уметь как следует воспользоваться ими. Я знал немало людей, которые в

силу какой-то лени ума с одинаковым невниманием относились и к удовольствиям – они не умели радоваться им, и к делам – они не умели их делать. Эти люди причисляли себя к эпикурейцам только потому, что общались с людьми, любившими жизнь, и к людям деловым только потому, что у них было дело, которое они должны были делать, но которое, однако, не делали.

Чем бы тебе ни приходилось заниматься, делай это как следует, делай тщательно, не кое-как. *Approfondissez*. Добирайся до сути вещей. Все сделанное наполовину или узнанное наполовину, на мой взгляд, вовсе не сделано и вовсе не узнано. Даже хуже, ибо такое нередко может ввести в заблуждение. Пожалуй, нет такого места или такого общества, откуда ты не мог бы почерпнуть те или иные знания – стоит лишь захотеть. Почти каждый человек знает что-то одно и бывает обычно рад, когда ему представляется случай говорить об этом. Ищите и обрящете – слова эти стали справедливы – о том свете, как и об этом. Присматривайся ко всему, во все вникай; та манера, в которой ты будешь спрашивать, послужит оправданием и самим вопросам, которые при других обстоятельствах могли бы показаться неуместными, и твоему любопытству, ибо в большинстве случаев все в значительной степени зависит от манеры себя держать. Можно, например, сказать: «Боюсь, что вопросы мои очень навязчивы, только никто, кроме вас, не может мне так хорошо все это рассказать», или что-нибудь в этом роде.

Ты теперь живешь в стране лютеранского вероисповедания, так бывай же в их кирках и присмотришь, как эти люди молятся Богу; понаблюдай за их обрядами и вникни в смысл и назначение каждого из них. А так как ты скоро будешь достаточно хорошо понимать по-немецки, то походи на их проповеди и прислушайся к тому, как они проповедуют. <...> Но когда ты будешь посещать храмы, где люди молятся Богу, – а мне хочется, чтобы ты побывал в самых различных, во всех, какие только встретятся на твоём пути, – помни, что в каком бы заблуждении ни пребывали те или иные люди, ни над одним из них не надо смеяться, ни одно не должно казаться тебе нелепым. Если человек честно заблуждается, его надо пожалеть, а никак не высмеивать. Предмет поклонения в религиях всего мира всегда один – высшее существо, которое вечно и которое сотворило все, что нас окружает. Различные способы молиться ему ни в коем случае не должны быть предметом насмешек. Каждая секта верит в свою правоту, и я не знаю на этом свете такого непогрешимого судьи, который мог бы решить, какая из них права. Разузнай также везде, где будешь, о государственных доходах, армии, ремеслах, торговле и о полиции каждой страны. И хорошо, если бы ты завел себе переплетенную тетрадь из чистых листов бумаги, то, что немцы называют альбомом, только вместо того чтобы просить каждого встречного дурака накарябать там хоть несколько строчек, ты собственноручно заносил бы туда все эти сведения, сразу же после того как тебе удастся почерпнуть их из достоверных источников.

Чуть было не забыл еще одного вопроса; мне хочется, чтобы ты заинтересовался им и запасся всеми необходимыми сведениями: узнай, как вершится в данной стране правосудие. Коль скоро все суды – открытые, ты можешь побывать в них, внимательно все разглядеть и во всем разобраться.

Одно только беспокоит меня теперь в отношении тебя. Мне хочется, чтобы ты достиг совершенства, которого, насколько я знаю, никто никогда еще не достигал. А коль скоро это неосуществимо, мне хочется, чтобы ты, насколько возможно, к этому совершенству приблизился. Должен тебе сказать, я не знаю никого, кто был бы на более верной дороге к нему, чем ты. Ни на чье воспитание не было затрачено столько сил, сколько на твое, и никогда ни у кого не было таких возможностей приобрести знания и опыт, какие были и есть у тебя. Временами я надеюсь и предаюсь мечтам, временами сомневаюсь и даже боюсь. Уверен я только в одном – что ты будешь либо величайшим горем, либо величайшей радостью твоего...

XXIII

Бат, 22 февраля ст. ст. 1748 г.

Милый мой мальчик!

Каждому достоинству и каждой добродетели сродни какая-нибудь слабость или какой-нибудь порок; развившись сверх положенной меры, они превращаются то в одно, то в другое. Щедрость часто становится расточительностью, бережливость – скупостью, храбрость – безрассудством, осторожность – робостью и т. д. в такой степени, что, по-моему, нужно больше рассудительности для того, чтобы соблюсти меру в наших добродетелях, чем для того, чтобы избежать противоположных им пороков. Порок в своем истинном виде настолько уродлив, что с первого же взгляда вселяет в нас отвращение и вряд ли мог бы когда-нибудь соблазнить нас, если бы поначалу не надевал маски некоей добродетели. Добродетель же сама по себе настолько прекрасна, что покоряет нас с первого взгляда, а при дальнейшем знакомстве увлекает все больше и больше. И мы считаем, что в ней, так же как и во всем, что прекрасно, немислимо никакое излишество. Здесь-то и бывает нужна рассудительность, для того чтобы умерить и направить в надлежащее русло самые наши лучшие устремления.

Сейчас я постараюсь применить это рассуждение не к какой-либо определенной добродетели, но к одному виду превосходства, который из-за недостатка рассудительности часто приводит к нелепым и заслуживающим всякого порицания последствиям: я имею в виду большие знания, которые, если им не сопутствует трезвый ум, часто вводят нас в заблуждение, делают гордецами и педантами. Та к как я надеюсь, что ты в высокой степени наделен этим превосходством над другими и вместе с тем не страдаешь слишком распространенными его недостатками, то все, что подскажет тебе мой опыт, может быть, будет бесполезно для тебя.

Некоторые ученые люди, гордые своими знаниями, говорят только для того, чтобы выносить решения, и судят обо всем безапелляционно. Это приводит к тому, что те, кого они задевают этой своей нетерпимостью и оскорбляют, творя насилие, восстают и для того, чтобы избавиться от тирании, подвергают сомнению даже законный авторитет. Чем больше ты знаешь, тем скромнее тебе следует быть, и, к слову сказать, скромность – самый надежный способ удовлетворить наше тщеславие. Даже если ты в чем-то уверен, сделай вид, что колеблешься, изложи свой взгляд, но не настаивай, и если хочешь убедить других, дай им почувствовать, что убедить можно и тебя.

Есть люди, которые, чтобы показать свою ученость, а зачастую в силу предрассудков, привитых школой, где им это все время внушалось, постоянно говорят о древних греках и римлянах как о каких-то героических личностях, считая, что наши современники стоят гораздо ниже их. В карманах они постоянно носят томик-другой классиков; их тянет к старинной мудрости; они не читают современного вздора и будут убедительно доказывать вам, что за последнюю тысячу семьсот лет ни одна наука и ни одно искусство не подвинулись вперед ни на шаг. Мне совсем не хочется, чтобы ты отказывался от знакомства с древними авторами, но мне еще меньше хочется, чтобы ты хвастал тем, что они тебе исключительно близки. Говори о современниках без презрения, а о древних – без поклонения; суди о тех и других по их достоинствам, а отнюдь не по давности лет, и если в кармане у тебя окажется какой-нибудь эльзевир⁵³, не выставляй его напоказ и не заводи о нем разговор.

⁵³ *Эльзевир* – голландские издатели, жившие в Амстердаме и Лейдене; от их имени произошло название выпускавшихся ими книг, эльзевиров, преимущественно малого формата (главным образом между 1594 и 1680 гг.).

Некоторые весьма ученые мужи самым нелепым образом выводят все свои афоризмы, касающиеся как общественной, так и частной жизни, из того, что они называют «аналогичными случаями» у древних авторов. Они не хотят понять, во-первых, что с самого Сотворения мира ни разу не было двух полностью аналогичных случаев и, во-вторых, что ни один случай не излагался каким-либо историком, равно как и не доходил до его сведения со всеми привходящими обстоятельствами, знать же эти обстоятельства настоятельно необходимо для того, чтобы отправляться от них в своих суждениях. Рассуждай о каждом событии исходя из него самого и сопутствующих ему обстоятельств и соответственным образом поступай; не полагайся на авторитеты одних лишь поэтов или историков древности. Если угодно, принимай во внимание случаи, которые на первый взгляд кажутся сходными, но пусть эти аналогии помогают тебе, а не руководят тобою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.